

Международное высшее образование

ВЫПУСК

107

Лето

2021

Глобальные проблемы

Китай

Африка

Европа

Студенты

Страны и регионы

Русскоязычное издание журнала International Higher Education
(Бостонский колледж, США)

СІНЕ

Центр по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы

в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

ИНИИ

Институт институциональных исследований (ИНИИ) является одним из научно-исследовательских центров НИУ ВШЭ. Он специализируется на фундаментальных и прикладных междисциплинарных исследованиях в области институционального анализа экономики, а также в сфере социологии науки и высшего образования. ИНИИ интегрирован в международные исследовательские сети высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках совместных проектов, охватывающих вопросы развития высшего образования и образовательной политики.

Одним из основных направлений исследований ИНИИ является изучение образовательных и профессиональных стратегий студентов и абитуриентов, а также связей между образованием и рынком труда. В исследованиях сотрудников института анализируются вопросы, с которыми сталкиваются абитуриенты в процессе поступления, факторы успеха студентов во время учебы в вузах, вопрос трудоустройства студентов и совмещения учебы и работы. Изучается ожидаемая и фактическая отдача от учебы и результа-

ты на рынке труда выпускников вузов в зависимости от образовательных факторов и стратегий перехода от учебы к работе, уделяется особое внимание вопросам, связанным с гендерным неравенством. Исследования проводятся в сотрудничестве с другими исследовательскими центрами, в том числе с Лабораторией исследований рынка труда НИУ ВШЭ, Центром исследований политики в области высшего образования Университета Порто и Университетом Гента.

На базе ИНИИ проводятся еженедельные открытые научные семинары и ежегодная международная летняя школа по институциональному анализу (RSSIA), сотрудниками института организовано издание ежеквартального журнала “Higher Education in Russia and Beyond”. ИНИИ также проводит экспертно-аналитическое обеспечение работы федеральных и региональных органов власти, университетов в области образовательной политики. Ежегодно институт ведет набор студентов, аспирантов и постдоков из России и других стран.

<https://cinst.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№107 / Лето 2021

Глобальные проблемы

- 6 Университеты в семейном владении: уместно ли это в XXI веке?
Эдвард Чхве, Филип Альтбах, Ханс де Вит и Мэтт Р. Аллен
- 8 Новая Великая хартия университетов
Сейболт Ноорда
- 10 Бесплатное высшее образование: постоянно актуальная тема
Ариана Де Гайардон
- 12 Стокгольмский синдром: двойкий статус рейтингов в исследованиях о высшем образовании
Елена Бранкович

Китай

- 14 Сотрудничество с Китаем — палка о двух концах
Филип Дж. Альтбах и Ханс де Вит
- 16 Академическая профессия в Китае поражена «инволюцией»
Цян Чжа
- 18 В героическом прошлом Китая уже были первоклассные вузы
Ян Жуй

Африка

- 20 Изучение высшего образования и контроль качества в африканских университетах
Хардсон Куандаи
- 22 Влияние пандемии COVID-19 на высшее образование и науку в Африке
Росс Янсен-ван Вюрен и Альхаджи Нджай

Европа

- 25 Европейское высшее образование: взгляд в прошлое и будущее
Андреа Сюрсок
- 26 Франция: четыре способа стать лучше
Франсис Верийо и Манон Гийо
- 28 Шотландское качество: отличительные особенности высшего образования в Шотландии
Нил Кемп и Уильям Лоутон
- 31 «Гений-одиночка» или «роевой интеллект»?
Мифы о финансировании научных институтов в Германии
Джастин Пауэлл и Дэвид Бейкер

Студенты

- 33 Обучение студентов по STEM-специальностям в разных странах
Прашант Лоялка, Оу Лидия Лю и Игорь Чириков
- 35 Оценивая студенческий опыт
Камилла Кандико Хоусон

Страны и регионы

- 37 Австралийское высшее образование настигла катастрофа?
Вильям Локк
- 39 Военная диктатура — трагедия для мьянманского высшего образования
Мари Лалл
- 40 Интернационализация японских университетов во времена пандемии COVID-19
Юкико Симми, Хироси Ота и Акинари Хосино
- 42 Индия: слишком много Индийских технологических институтов, несбыточные ожидания
Филип Дж. Альтбах и Эльдхо Мэтьюз

Университеты в семейном владении: уместно ли это в XXI веке?

Эдвард Чхве, Филип Альтбах,
Ханс де Вит и Мэтт Р. Аллен

Эдвард Чхве — преподаватель Университета Ёнсе (Южная Корея) и выпускник аспирантуры Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).

E-mail: eddie.chae@gmail.com.

Филип Дж. Альтбах — исследователь, профессор и заслуженный член центра.

E-mail: altbach@bc.edu.

Ханс де Вит — заслуженный профессор и заслуженный член центра.

E-mail: dewitj@bc.edu.

Мэтт Р. Аллен — доцент отделения предпринимательства и декан Института семейного предпринимательства (США), а также академический директор проекта STEP — «Глобальные успешные практики межпоколенческого бизнеса».

E-mail: mallen4@babson.edu.

Вузы, находящиеся в семейном владении или управлении, — удивительный, но практически не получающий никакого внимания феномен, хотя они существуют во всем мире. Такие вузы есть на каждом континенте, и счет им, возможно, идет на тысячи. Они создаются как семейный бизнес, обычно по решению какого-нибудь харизматичного члена семьи, и на протяжении нескольких поколений остаются в руках этой самой семьи. Хотя детальной статистики о таких вузах нет, если верить оценкам, их особенно много в странах с крупным сектором частного высшего образования. В этой статье мы поделимся наблюдениями, более подробно описанными в вышедшем в 2020 году сборнике [*The Global Phenomenon of Family-Owned or Managed Universities*](#) (под ред. Филипа Альтбаха, Эдварда Чхве, Мэтта Р. Аллена и Ханса де Вита).

Вузы, находящиеся в семейном владении или управлении, отличаются от большинства остальных рядом характеристик, которые связаны главным образом с характерными для семейного бизнеса принципами принятия организационных решений и с возникающими из-за вовлечения в управление членов семьи специфическими проблемами и возможностями. В большинстве стран коалиции, основанные на фа-

мильном родстве, владеют университетами, которые они создают. Зачастую им принадлежат целые образовательные концерны, куда входят также учебные заведения других типов, например школы.

Институциональные особенности

Вузам, находящимся в семейном владении или управлении, присуще множество особенностей, характерных и для других частных вузов. К примеру, среди них есть и нацеленные на извлечение выгоды, и некоммерческие. Последние встречаются, например, в Бангладеш, Индии, Колумбии, Южной Корее и Японии, а также в других странах, где коммерческая деятельность в высшем образовании запрещена. По-другому обстоят дела в таких странах, как Армения, Бразилия, Китай, Филиппины и Эфиопия, где семейные частные вузы сочетают коммерческие интересы с общественной миссией.

Семейные вузы похожи на другие частные вузы в том, что касается институциональной автономии, степень которой зависит от национального контекста. Они менее автономны в странах, где нет существенных различий в уровне государственного контроля над частными и государственными вузами. К таким странам относятся Армения, Китай, Филиппины, Южная Корея и Япония. Там семейные вузы — своего рода квазигосударственные организации, которые подвергаются строгому контролю со стороны государства во многих внутривузовских делах. Однако в других частях света ситуация совсем иная. Скажем, в Бразилии, Индии, Мексике или Эфиопии регулирование этой сферы ощутимо менее строгое.

Иные аспекты деятельности семейных вузов, которые сближают их с другими (частными) вузами, включают в себя их институциональные приоритеты и роль в обществе; цифры набора; спектр предлагаемых образовательных программ, предметный фокус и направления исследований; качество образования; модели финансирования.

Семейственность

Все вузы, находящиеся в семейном владении или управлении, в той или иной мере сохраняют черты образовательного учреждения. Однако они отличаются от вузов с другими типами собственности тем, что больше походят на семейный бизнес. Такие вузы, как и семейные фирмы, обладают социально-эмоциональным капиталом, то есть различными типами нефинансовых активов. К ним относятся, например, общая идентичность, объединяющая семью и принадлежащие ей учебные заведения, социальные связи, или реляционный капитал; эмоциональная привязанность членов семьи друг к другу. Устойчивые социальные связи, основанные на принципах лояльности, взаимности и доверия, способствуют формированию квазисемейной коллегиальной культуры, равноправными членами которой становятся и родственники владельцев, и остальные сотрудники.

Эмоциональные взаимоотношения между членами семьи могут принимать как положительную форму (гордость, любовь), так и отрицательную (разочарование, недовольство, гнев).

Социально-эмоциональный капитал также включает в себя семейное влияние и внутрисемейное обновление, то есть преемственность, основанную на фамильном родстве. И процесс принятия решений в организации нередко опирается на охрану и использование таких форм капитала. Так принимаются, например, решения в области найма новых сотрудников и продвижения имеющихся. В семейном бизнесе родственников обычно быстрее продвигают по службе, чем обычных сотрудников, даже если те более квалифицированные. В некоторых семейных вузах, где открыто проводится такая политика, большинство членов правления тоже составляют родственники, и контроль над вузом остается в руках семьи, поскольку члены правления выбирают своих преемников тоже из числа родственников, чаще всего из числа собственных детей. Иногда один человек занимает сразу несколько позиций в пределах одного вуза (например, является одновременно членом правления и ректором) и/или совмещает должности в разных вузах, принадлежащих его семье.

Проблемы и слабые места

Сохранение и приумножение социально-эмоционального капитала и семейственности в управлении сопряжено с бесчисленными проблемами и трудностями. К примеру, стремление семьи сохранить собственное влияние и роль в управленческих процессах нередко вступает в столкновение с практиками децентрализованного управления.

Другая проблема может проявиться в попытках усилить семейное влияние ценой возможной экономической выгоды. Владельцы семейного бизнеса зачастую воздерживаются от инвестиций в рамках диверсификационной стратегии по расширению бизнеса. Диверсификация бизнеса может вынудить членов семьи отдать часть властных полномочий новым внешним акторам-неродственникам, что воспринимается как угроза доминирующему положению семьи в управленческих процессах.

Стремление семьи удержать вуз в собственных руках — это еще один пример, когда семейные приоритеты противоречат организационным потребностям. Описанные выше практики найма и продвижения по службе, когда предпочтение отдают родственникам, могут вылиться в конфликт или даже привести к ожесточенным внутренним распрям между сотрудниками — членами семьи владельцев и остальными коллегами. Сотрудники-неродственники, особенно представители профессорско-преподавательского состава, иногда не соглашаются с внутрисемейными нормами и традициями преемственности, особенно в том, что касается найма и повышения сотрудников, считающихся низкоквалифицированными.

Социально-эмоциональный капитал также включает в себя семейное влияние и внутрисемейное обновление, то есть преемственность, основанную на фамильном родстве.

Возможности и сильные стороны

Вузы рассматриваемого типа также обладают рядом уникальных плюсов и возможностей. Семейственный тип управления иногда обладает конкурентным преимуществом перед другими типами. Например, в том, что касается процесса принятия решений и внедрения организационных изменений. В семейных вузах принятие решений часто устроено как эффективный и унифицированный процесс, членов семьи объединяет общее видение. Это может давать им преимущество перед другими вузами, большинство из которых реагирует на стремительно меняющиеся внешние условия и вызовы довольно медленно.

Еще одна сильная сторона — длительное нахождение руководителей на своих постах. В семейных вузах люди нередко занимают руководящие позиции (ректора или члена правления) на протяжении 20–30 лет или даже дольше. Стабильность и непрерывность в управлении — существенное преимущество с точки зрения стратегического руководства.

Похвалы заслуживает и тот факт, что идентичность и репутация семьи владельцев распространяется и на принадлежащие им вузы. Многие семейные коалиции инвестируют в свои вузы и эмоционально, и финансово, что может способствовать улучшению результатов деятельности таких учебных заведений и повышению социального статуса членов этих семей в глазах окружающего их сообщества.

Гибридные организации

В силу двойственности описанных выше характеристик вузы, находящиеся в семейном владении или управлении, можно назвать гибридными организациями. Это одновременно и образовательный бизнес, и организации, сохраняющие свой семейный характер. Семейственность может оказывать негативное влияние на организационные функции и деятельность в целом, а также на внутриорганизационные отношения; появляется риск коррупции. Проблема, с которой сталкиваются многие семейные вузы, — незаконное присвоение университетских средств ради личной

выгоды. Впрочем, таким случаям можно противопоставить примеры семей, чей социально-эмоциональный капитал, убеждения и приоритеты полностью соответствуют потребностям академического сообщества. Семейные коалиции с твердыми представлениями об образовании и положительной системой ценностей подходят к вопросам управления и подготовки преемников, чутко прислушиваясь к потребностям академического сообщества. Такие владельцы способствуют улучшению и без того высокой репутации многих существующих в мире семейных вузов. Некоторые из них входят в национальные, а иногда даже и в международные рейтинги.

По большому счету, репутация вузов, находящихся в семейном владении или управлении, держится на ценностях, истории, видении и убеждениях, которые владельцы привносят в систему управления. Именно в семейных вузах, в отличие от остальных, руководство может оказывать более ощутимое влияние на организационную культуру благодаря своей глубокой вовлеченности в деятельность учебных заведений.

Новая Великая хартия университетов

Сейболт Ноорда

*Сейболт Ноорда — президент Ассоциации Великой хартии европейских университетов.
E-mail: sjn@uva.nl; magnacharta@unibo.it.*

С 1988 года Великую хартию европейских университетов подписала почти тысяча вузов. Поставив свою подпись под этой декларацией фундаментальных принципов, они тем самым воплотили в жизнь важнейшие ценности — ценности академической свободы и независимости. Этот документ, изначально подготовленный Советом ректоров европейских университетов как основа для международного сотрудничества и взаимоподдержки, снискал мировую известность.

Теперь всё и вся в мире взаимосвязано настолько, что в момент разработки текста декларации это просто невозможно было себе представить. Выросло количество университетов во всем в мире, существенно расширилось их разнообразие, охват их деятельности и миссии. Высшее образование и наука остаются проводником положительных изменений и социальных трансформаций. Принципы, закрепленные в хартии, сейчас столь же актуальны, как и в 1988 году. Они по-прежнему являются необходимой предпосылкой прогресса человечества, который происходит через научные изыскания, анализ и эффективные действия.

С другой стороны, из-за своих успехов университеты нередко подвергаются вмешательству в дела со стороны внешних акторов. Влиятельные политические и экономические силы многих стран делают все для того, чтобы соблюсти собственные интересы, не всегда при этом считаясь с автономией университетов или академической свободой отдельных ученых и студентов. Чтобы справиться с этими трудностями, мировое академическое сообщество должно грудью встать на защиту своих основополагающих ценностей, а также четко обозначить задачи и обязательства, актуальные в XXI веке для университетов всего мира.

В свете всех этих трудностей мы ощутили потребность заново прописать базовые ценности и принципы, а также обязанности университетов. Вот как на свет появилась новая Великая хартия университетов (проект был составлен в 2019 году, доработан в 2020-м и официально опубликован в июне 2021 года).

Ценность ценностей

Ценности — это разделяемые членами какого-либо сообщества важные идеалы или убеждения, касающиеся того, что считать хорошим или плохим, того, что приветствуется, а что нет. Ценности служат в общем и целом в качестве руководства по поведению и миропониманию для отдельных людей и для целого сообщества. Почему они вообще важны для университетов? Ценности направляют процесс выработки институционального профиля и помогают определиться с тем, каким вуз хочет быть. Ценности отражают интересы, которым мы хотим служить, и показывают почему. Кроме того, ценности являются маркером качества: например, добросовестность — маркер качества в науке, а справедливость — в образовательном процессе. Ценности имеют значение еще и потому, что отражают основополагающие принципы того, как вузы сами себя видят и как позиционируют себя в обществе. К таким ценностям относятся автономность и академическая свобода, социальная ответственность и справедливость. Также примечательно, что ценности используются академическими сообществами как направляющий элемент и в международном сотрудничестве, и в сотрудничестве с другими представителями своей страны. Они помогают решить, с кем, как и с какой целью сотрудничать, а также помогают понять, как справиться с культурными различиями, в том числе с различиями в ценностных приоритетах.

Таким образом, для сообщества каждого университета важно выявлять, обсуждать и действительно разделять базовые ценности, особенно если учитывать политическую нестабильность, конкуренцию и внутренние разногласия. В идеале ценности должны помогать университету добиваться новых высот в области преподавания, обучения и науки. Если удастся выявить и прописать ценности, которые действительно являются общепризнанными для всех членов сообщества, то они укрепляют в университете чувство общности. Кроме того, публично сформулировав

ценности, которые университет действительно пропустил через себя, он тем самым показывает внешнему миру, почему он принимает те или иные решения и что он хочет привить своим выпускникам.

Новая Великая хартия

Один из ключевых аспектов первоначальной Великой хартии заключался в том, что такие ценности, как независимость и академическая свобода, закладывались не как привилегии, служащие корыстным интересам, но как фундамент для ответственной деятельности университетов, служащих на благо общества и вносящих вклад в его развитие и благополучие. Вот почему новый документ начинается с утверждения, что «университеты признают, что они несут ответственность за взаимодействие и реагирование на чаяния и вызовы мира и сообществ, которым они служат, чтобы принести пользу человечеству и внести свой вклад в устойчивое развитие». А дальше написано: «Научная и нравственная автономия является отличительной чертой любого университета и необходимым условием для выполнения своих обязанностей перед обществом. Правительства стран и общество в целом должны признавать и защищать эту независимость, а сами вузы должны ее активно отстаивать».

Для сообщества каждого университета важно выявлять, обсуждать и действительно разделять базовые ценности, особенно если учитывать политическую нестабильность, конкуренцию и внутренние разногласия.

Для реализации вышеописанного университетам необходимо надежный общественный договор с гражданским обществом, в котором соблюдается принцип институциональной автономии вузов, нужный для обеспечения максимально высокого качества академической деятельности и для внесения ценного вклада в текущую и будущую жизнь общества. В новой хартии утверждается, что в дополнение к надежным и основательным связям с властями и обществом университеты также являются частью глобальных, институциональных научных сетей, опирающихся на общие источники знаний и способствующих их даль-

нейшему развитию как полноправных участников местных сообществ и экосистем.

В новой хартии эти аспекты прописаны более ясно и развернуто. Как и в документе 1988 года, отмечено, что университет — это пространство для общения между преподавателями и студентами в соответствии с принципами свободы, открытого диалога и толерантности, при этом новая декларация более инклюзивна. «Университеты — это пространства терпимости и уважения, свободные от дискриминации, где процветает разнообразие точек зрения и преобладает инклюзивность, воплощенная в принципах равенства и справедливости. Поэтому они обязуются обеспечить равенство и справедливость во всех аспектах академической жизни, включая поступление в университет, набор сотрудников и продвижение по службе».

В формате одной статьи невозможно подробно рассказать обо всех элементах новой хартии. (Ознакомиться с текстом можно на сайте magna-charta.org.) Да и сама новая декларация не охватывает полностью все релевантные вопросы. Как и документ 1988 года, она лишь освещает важные темы, на которых ее авторы хотели заострить внимание. Однако стоит отметить, что подготовкой нового текста занималась международная и очень многогранная группа ученых и что в последовавший за этим раунд консультаций тоже были вовлечены представители самых разных стран. Так что получившийся документ отражает ряд актуальных для всего мира задач и приоритетов.

Укрепление роли университетов

Основной замысел подготовки новой декларации, являющейся результатом коллективного труда и знаком поддержки всех вузов мира, — сделать так, чтобы голос университетов был слышен громче и четче. В конечном счете, подписывая Великую хартию в редакции 2020 года, университеты тем самым подтверждают стремление укрепить свою роль в сохранении планеты и содействии процветанию, здоровью людей и просвещению по всему миру. Ни один университет не может достичь всего этого в одиночку. Эти высшие цели становятся достижимыми только при условии сотрудничества. Вот почему публикация новой декларации — это своего рода призыв к коллегам проверить, в какой мере они руководствуются изложенными в документе принципами и ценностями и в какой степени исполняют закрепленные там обязательства. Присоединяясь к сообществу подписантов, коллеги помогут сами себе и другим вузам укрепить свои позиции и авторитет в обществе ради всеобщего блага.

Бесплатное высшее образование: постоянно актуальная тема

Ариана Де Гайардон

*Ариана Де Гайардон — постдок Центра изучения высшего образования (CHEPS) Университета Твенте (Нидерланды).
E-mail: a.degayardon@utwente.nl.*

Неудивительно, что на фоне всего случившегося в 2020 году дискуссии о стоимости высшего образования поутихли. Набравшее в 2016–2019 годах силу движение за бесплатное высшее образование забуксовало — вполне объяснимый результат года, охарактеризовавшегося проблемами в сфере здравоохранения и экономики. Экономические последствия 2020 года, безусловно, будут ощущаться в высшем образовании на протяжении еще многих лет. Однако в некоторых странах 2020-й также был годом выборов, которые принесли людям новые надежды и новые разочарования в том, что касается бесплатного высшего образования.

США

Бесплатное высшее образование было важной темой в ходе праймериз демократической партии. Двое из основных претендентов, Берни Сандерс и Элизабет Уоррен, однозначно выступали за бесплатное высшее образование для всех. Но в 2020 году кандидатом от демократической партии был выбран Джо Байден, который не так открыто высказывался по вопросу о бесплатности высшего образования. Впрочем, его предвыборная программа включала пункт о том, чтобы сделать образование в двухгодичных муниципальных колледжах бесплатным для всех, а в традиционных четырехгодичных колледжах — для студентов из бедных семей. Камала Харрис, соратница Байдена и тогдашний кандидат на пост вице-президента, вообще не поддерживала идею бесплатного высшего образования. И тем не менее в своей предвыборной программе она говорила, что готова простить долги по студенческим ссудам, и, будучи сенатором, поддержала закон о высшем образовании без долгов.

Тема платы за обучение вышла на первый план на фоне вынужденного перевода образования в онлайн-формат весной 2020 года в связи с пандемией COVID-19. Студенты возмущались тем, что с них продолжали требовать полную стоимость обучения за онлайн-курсы, качество обучения на которых, как считается, хуже. Но пока все тщетно. Хотя офлайн-обучение возобновилось, вызванный пандемией

экономический кризис может затянуться надолго, поэтому тема бесплатного высшего образования наверняка останется на политической повестке дня. Снова встанет вопрос о финансовой доступности колледжей, предлагающих четырехлетнее образование, потому что у людей, пострадавших от экономического кризиса, теперь еще меньше финансовых ресурсов, а это повлияет на приемную кампанию и на то, как абитуриенты делают свой выбор.

В данной ситуации тот факт, что президент Джо Байден поддерживает идею бесплатного образования в двухгодичных муниципальных колледжах для всех и бесплатного четырехгодичного образования для студентов из семей с низкими доходами (то есть менее 125 тысяч долларов США на семью в год), безусловно, способствует улучшению текущей ситуации, потому что таким образом абитуриенты из бедных семей, включая тех, чье финансовое положение ухудшилось из-за пандемии, получают доступ к высшему образованию. Нужно еще немного усовершенствовать текущие правила, например заменить строгое правило о пороговом значении родительских доходов на плавную шкалу, и тогда Байден заработает для демократической партии важную политическую победу.

Новая Зеландия

В Новой Зеландии, наоборот, новые правила о бесплатном обучении вступили в силу как раз в 2020 году, хотя это был год выборов и хотя правительство страны образцово справилось с пандемией. В 2017 году лейбористское правительство ввело новую программу, которая предполагала отмену платы за обучение для первокурсников с последующим распространением этой меры на второкурсников (в 2020 году) и на третьекурсников (в 2024 году). Впрочем, в ходе своей предвыборной кампании 2020 года лейбористы уже не упоминали об отмене платы за обучение для второкурсников.

Смещение их политического курса объясняется несколькими причинами. Во-первых, благодаря тому, что правительство лейбористов успешно справились с пандемией, их партии и так была обеспечена победа и им, скорее всего, даже не нужны были дополнительные голоса, которые они могли бы заработать, пообещав снизить итоговую стоимость обучения. Во-вторых, анализ первого этапа программы (то есть отмены платы за обучение для первокурсников) привел к неутешительным выводам: оказалось, что больше всего выиграли абитуриенты из богатых семей, а ожидавшегося прироста числа студентов так и не произошло. В-третьих, лейбористы в итоге решили сместить фокус и, вместо того чтобы, как изначально планировалось, облегчать жизнь второкурсников, ввели программу бесплатного профессионально-технического обучения. Иными словами, правительство предпочло помочь молодежи с низкими доходами через систему профессионально-технического образования.

Пример Новой Зеландии также показывает, что, несмотря на всю привлекательность, отмена платы за обучение — это дорогостоящая мера, которая зачастую не приносит желаемых результатов.

Бесплатное высшее образование и политика

Как подчеркивается в [статье Де Гайардон и Бернаскони](#) из соотого выпуска «Международного высшего образования», движение за бесплатное высшее образование — это в первую очередь политическое движение; обещания бесплатного высшего образования обычно начинают звучать в ходе предвыборной кампании или незадолго до возможных перевыборов. Это подтверждается и двумя описанными выше примерами: в США тема бесплатного высшего образования встала на повестку дня, как раз когда шли споры о результатах выборов, в то время как в Новой Зеландии лейбористы перестали поднимать этот вопрос, как только стало понятно, что они и так снова победят.

Пример Новой Зеландии также показывает, что, несмотря на всю привлекательность, отмена платы за обучение — это дорогостоящая мера, которая зачастую не приносит желаемых результатов. Это почувствовали уже многие страны. Так, из-за финансовых проблем и отсутствия политического интереса правительство Чили прекратило расширять правила о бесплатном высшем образовании на новые группы абитуриентов или типы вузов. А власти канадской провинции Онтарио отменили бесплатное высшее образование для студентов из бедных семей, чтобы сократить бюджетный дефицит.

Эти примеры показывают, что отмена платы за обучение в вузах — дорогостоящая мера, которой сложно найти оправдание из-за ее скромной результативности и которая оказывается скоротечной или ограниченной. Сейчас будущее движения за бесплатное высшее образование, которое зародилось в Чили в 2016 году и за первые три года своего развития успело увлечь целый ряд стран, представляется туманным.

Будущее бесплатного высшего образования

В настоящий момент трудно предсказывать будущее, которое ждет движение за бесплатное высшее образование. Хотя эта идея остается эффективным средством в арсенале политиков, претендующих на руководящие позиции, спровоцированный пандемией экономический кризис наверняка приведет к сокращению бюджета на высшее образование. Высшее образование никогда не было для властей настоящим приоритетом, и в ближайшие годы они наверняка будут заняты в первую очередь восстановлением экономики и системы здравоохранения, нежели какими-то другими секторами. В подобных условиях вряд ли стоит ожидать отмены платы за обучение.

Но поскольку в финансовом плане от пандемии больше всего пострадали именно семьи с низкими доходами, то, возможно, правительствам стран стоит задуматься об отмене платы за обучение для определенных целевых групп. Именно в этом состоит замысел президента Байдена, предложившего сделать высшее образование бесплатным для студентов из бедных семей, как уже сделали, например, власти Италии, канадской провинции Нью-Брансуик и Японии. Адресная отмена платы за обучение — это эффективный пример использования доступных в сфере высшего образования скудных ресурсов и мера, которая может оказаться особенно полезной на фоне выхода из кризиса, вызванного пандемией.

Стокгольмский синдром: двойкий статус рейтингов в исследованиях о высшем образовании

Елена Бранкович

Елена Бранкович — постдок социологического факультета Билефельдского университета (Германия).
E-mail: jelena.brankovic@uni-bielefeld.de.

В последние десятилетия рейтинги вузов получили настолько широкое распространение, что уже стали общепризнанным — пусть и небесспорным — элементом международного академического ландшафта. Ощущение, что «рейтинги теперь с нами навсегда», находит отклик у многих ученых, управленцев и нормотворцев. Многие представители академического сообщества считают, что рейтинги неизбежны или даже необходимы, несмотря на звучащую с разных сторон безжалостную критику и на растущий объем данных, подтверждающих негативные последствия рейтингов. Давайте разберемся?

Почему мы верим рейтингам и в рейтинги?

Чтобы решить эту головоломку, следует понаблюдать за тем, какой отклик рейтинги находят в широком культурном и институциональном контексте. Во-первых, [принцип работы рейтингов](#) заключается в публичном поощрении конкуренции, из-за чего вузы, по сути, начинают воспринимать друг друга в качестве соперников. Сходство между рейтингами и разговорами о глобальной конкуренции — вот возможная причина того, почему рейтинги часто рассматривают в первую очередь в свете геополитики. К тому же рейтинги резонируют с рядом наиболее популярных «рационализированных мифов» в области высшего образования, таких как стратегический менеджмент, показатели продуктивности, отслеживаемость, прозрачность, интернационализация, первоклассное качество или воздействие. Поскольку сами рейтинги окружены аурой рациональности, они легко оказываются в человеческом восприятии «логическим» инструментом распространения вышеупомянутых мифов и оценки продвижения общества по пути их реализации.

Также важно не забывать, что мнимые представления о высшем образовании как об иерархичной структуре вузов, на вершине которой Гарвард, Оксфорд и т.п., были распространены еще задолго до рейтинговой

«гегемонии» последних десятилетий. Когда, например, U.S. News и Шанхайский университет Цзяотун впервые начали публиковать свои рейтинги, эти рейтинги, по большому счету, просто подтверждали то, что общество уже и так «знало» о «лучших» вузах. Будь это не так, ситуация с международными рейтингами могла бы сложиться иначе. Чтобы люди верили тому или иному рейтингу, его результаты должны оставаться в пределах правдоподобного, при этом оставляя вузам возможность улучшать свои результаты. Более того, от вузов ожидается, что все они постоянно будут стремиться улучшить свои позиции.

Наконец, рейтинги входят в широкий спектр политических инструментов и инструментов оценивания наряду с различными сравнительными таблицами, стандартами и другими показателями оценки результатов. Благодаря этому рейтинги «путешествуют» из одной страны в другую. Этому есть, помимо прочего, историческое объяснение. Представители академического сообщества, заинтересованные в оценке своей работы и работы своих институтов, экспериментировали со всеми этими инструментами на протяжении нескольких десятилетий, прежде чем ими начали пользоваться внешние акторы в «общественно полезных» целях, например для контроля и оценки эффективности или прозрачности.

Учитывая эти культурные и исторические обстоятельства, не стоит удивляться, что рейтинги теперь воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Они так укоренились в общественном дискурсе, что сейчас обсуждение рейтингов сводится главным образом к вопросу «как?», в то время как сама идея рейтингов даже исследователи высшего образования редко всерьез подвергают сомнению.

Размытые границы: рейтинги и наука

Исследователи высшего образования всегда неоднозначно относились к рейтингам. Поскольку эта научная сфера вообще очень тесно переплетена с нормативной сферой и с практикой, многие исследования изначально проводятся с целью сделать мир высшего образования более справедливым, эффективным, ответственным и так далее — иными словами, сделать его лучше, что бы это ни значило. Как следствие этой нормативной направленности, многие исследователи высшего образования регулярно делают что-то, что, по их мнению, помогает оградить высшее образование от различных вредоносных, с их точки зрения, тенденций. И рейтинги как раз часто воспринимаются как одна из подобных тенденций, причины чему были подробно задокументированы в последние десятилетия.

Из-за этого большинство исследователей прямо или опосредованно критикует рейтинги. И тем не менее, как ни парадоксально, их критика обычно представляется односторонней: научная дискуссия вокруг рейтингов зачастую связана с их методологией и ее последствиями и нередко выливается в обсуждение того,

как рейтинги можно было бы улучшить или как разработать «более хорошие» рейтинги. Подобные исследования обычно открыто критикуют составителей рейтингов, которыми, как принято считать, движет преимущественно или даже исключительно коммерческий интерес. Если говорить более обобщенно, рейтинговым агентствам приписывают определенные «соответствующие» мотивы и поведение.

Поэтому вместо того, чтобы наблюдать за рейтингами как предметом исследования, исследователи вышеописанного толка оценивают рейтинги с точки зрения их «пригодности» и «надежности» в качестве нормативного инструмента или инструмента контроля прозрачности. Если развивать эту логику дальше, получается, что если рейтинги методологически корректны, если они измеряют действительно важные показатели, если их составители не преследуют коммерческих целей и если люди подходят к их использованию ответственно, то ситуация должна каким-то образом улучшаться. Несмотря на возможные кратковременные негативные последствия для какого-то конкретного рейтинга, в долгосрочной перспективе подобная логика, скорее всего, только укрепит авторитет рейтингов в целом как инструмента по оцениванию университетов. Есть как минимум две причины ожидать именно такого хода событий.

Во-первых, споры о том, как составлять рейтинги, в том числе о том, как их «исправить», по сути, только подкрепляют продвигаемые рейтингами представления о высшем образовании, то есть это все не ограничивается обсуждением методологии рейтингов, интересов их составителей или того, как они используются. В этом контексте формируется представление о высшем образовании как о стратифицированной системе, построенной по принципу поддержания антагонистических отношений, где вузы постоянно стремятся обогнать другие вузы, то есть предполагается, что все они всё время соревнуются с другими. Все более или менее влиятельные современные международные рейтинги подкрепляют эти представления о высшем образовании как о высококонкурентной игре с нулевой суммой и, более того, продвигают идею о том, что эта концепция отражает «естественное» положение дел и даже «лучше» альтернативных концепций.

Во-вторых, исследования, посвященные анализу рейтингов, самым своим существованием обеспечивают им столь необходимое научное обоснование их легитимности. Рейтинговые агентства особенно заинтересованы в том, чтобы составляемые ими рейтинги выглядели как «серьезные научные исследования» и чтобы академическое сообщество воспринимало их именно так. По большому счету, авторы научных публикаций, содержащих предложения о том, как улучшить методологию или эффект рейтингов, как бы делают рейтинговые агентства своими равными партнерами в научной дискуссии. Подобный подход несет в себе риск того, что ученые, возможно сами того не желая, подкрепляют ту или иную идеологию

или политический курс, обеспечивая им якобы научную убедительность. Аналогичные риски появляются также тогда, когда ученые становятся членами правления рейтинговых агентств или различных консультативных советов при них, когда ученые участвуют в организуемых составителями рейтингов мероприятиях или заполняют рассылаемые опросники. Для составителей рейтингов особенно важно опираться на культурный авторитет науки (через вовлечение ученых, то есть носителей академической экспертизы), потому что составители рейтингов (как и ученые), по сути, распространяют свои претендующие на истинность утверждения о том, что чем является или не является в мире высшего образования.

Рейтинговые агентства особенно заинтересованы в том, чтобы составляемые ими рейтинги выглядели как «серьезные научные исследования» и чтобы академическое сообщество воспринимало их именно так.

Важность рефлексии

Все это вовсе не значит, что исследователи высшего образования не должны быть критичными, даже наоборот. Однако есть разные виды критики. В силу этого и прочих обстоятельств чрезвычайно важно постоянно оценивать пресловутую «общую картину», а также нашу собственную роль и место в ней.

В практическом плане стоит наконец начать рассматривать рейтинги и их составителей прежде всего как объект изучения. Вместо того чтобы принимать рейтинги как устоявшийся феномен в сфере высшего образования, а их составителей — как партнеров, преследующих научные цели, стоит воспринимать их просто как предмет эмпирического исследования. Как данные, если угодно. Если мы начинаем критиковать имеющиеся у нас данные, это может вызывать вопросы о нашей способности здраво рассуждать. Если мы высказываем какие-то ожидания относительно того, как данные должны себя вести, или если мы пытаемся каким-то образом навязать имеющимся данным наши нормы и требования, это может вызывать сомнения в том, можно ли нам как ученым доверять. Следует помнить об этих рисках, чтобы наши наблюдения оставались состоятельными. (Иными словами, чтобы воспринимать рейтинги и их составителей как объект

исследования, нужно быть объективными и анализировать эти феномены соответствующим образом.)

Те, кто настаивает, что это «теперь с нами навсегда», недалек от истины. Если история и может нас чему-то научить, так это тому, что все меняется. Самое, возможно, опасное в пресловутом «другого выбора все равно нет» — это то, что, чем чаще мы повторяем эту мантру, тем скорее она выльется в беду, которую сами накликали. Все-таки наша обязанность как ученых — ставить под сомнение производимые самим обществом и принимаемые как нечто само собой разумеющееся «факты» и разоблачать их идеологическую подоплеку.

Сотрудничество с Китаем — палка о двух концах

Филип Дж. Альтбах и Ханс де Вит

*Филип Дж. Альтбах — исследователь, профессор и заслуженный член Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: altbach@bc.edu.*

*Ханс де Вит — заслуженный профессор и заслуженный член центра.
E-mail: dewit@bc.edu.*

Сотрудничество с Китаем в сфере науки и образования стало для многих стран непростой темой, вызывающей у людей беспокойство. Ситуация в самом Китае, кризис, связанный с COVID-19, и приписываемая Китаю роль в этом кризисе, осложняющиеся торговые отношения, усиление национализма и популизма как в Китае, так и за его пределами и другие события привели к росту геополитической напряженности и подорвали научно-образовательное сотрудничество между Китаем с одной стороны и Австралией, Северной Америкой и Европой — с другой. Все эти темы постоянно поднимаются в СМИ, которые нередко их нарочито раздувают или и вовсе распространяют дезинформацию. Проблемы действительно существуют, и настоящее и будущее научно-образовательного сотрудничества между Китаем и другими странами оказалось в критическом положении.

Приведем несколько примеров, показывающих сложившуюся напряженность. Преподаватели и студенты Корнельского университета в США выступают против планов по открытию совместной программы с Пекинским университетом, ссылаясь на то, что в

Китае, помимо прочего, проблемы с академической свободой. Исследовательский центр Пью недавно выпустил [доклад](#) под заголовком «Большинство американцев поддерживает ужесточение позиции по отношению к Китаю из-за проблем в сфере прав человека и экономики». Авторы доклада пишут, что, хотя в целом американцы доброжелательно настроены по отношению к иностранным студентам, идея ограничить прием студентов из Китая находит широкую поддержку населения и, кроме того, у многих американцев негативное мнение по целому ряду связанных с Китаем вопросов. Созданная по международной инициативе Рабочая группа по вопросам академической свободы и интернационализации выступила с идеей внедрения [«этического кодекса»](#), который мог бы стать ориентиром в развитии отношений с Китаем. Многие ученые со всего мира подписали и распространили открытое письмо солидарности с исследователями, чья научная тематика была связана с Китаем и которые пострадали из-за этого. Многие западные страны закрыли у себя филиалы Института Конфуция, потому что те якобы занимаются шпионажем, подчиняются китайскому правительству и лишены академической свободы. Не проходит и недели, чтобы западные СМИ не обсудили какой-нибудь отрицательный аспект китайских порядков или действий в области высшего образования, не говоря уже о торговле или политике.

Нужно продолжать поддерживать связи

Для мирового высшего образования чрезвычайно важно, чтобы контакты с Китаем поддерживались, особенно в нынешний непростой период. Конечно, без взаимности ничего не получится, и, если Китай или другая сторона станут чинить непреодолимые препятствия или проводить недоброжелательную политику, это затруднит взаимодействие или и вовсе сведет его на нет. При этом китайские ученые и студенты за пределами родной страны, равно как и те, кто живет в Китае, ощущают на себе последствия недоброжелательной политики и мер, принимаемых западными странами. Они все чаще сталкиваются с расизмом, особенно в контексте пандемии COVID-19, а также с обвинениями в шпионаже и краже интеллектуальной собственности. Они не чувствуют, что в совместных проектах к ним относятся на равных. В частности, внимание общественности привлекли расследования, связанные с работавшими в США китайскими учеными, хотя некоторые из этих дел оказались совершенно безосновательными.

За взаимодействие отвечают как академические организации, так и отдельные люди: преподаватели, исследователи, студенты. У организаций и у людей есть собственная «политика интернационализации», собственные институциональные либо индивидуальные ценности, стратегии и интересы. Залог плодотворного сотрудничества и обмена, а также академической свободы — это взаимоуважение и взаимопонимание

между представителями различных академических сообществ. Но, к сожалению, как показывает практика, решения и действия, предпринимаемые правительствами, мешают свободе академических процессов.

Значение Китая

Отношения Китая с остальным миром чрезвычайно важны. Китай превратился в одного из ключевых игроков международного высшего образования и науки. Это крупнейшая в мире система высшего образования и второй в мире «производитель» научных публикаций. Крупные капиталовложения в исследовательские университеты позволили Китаю радикально улучшить свои результаты в международных рейтингах. Если говорить о международной студенческой мобильности, то Китай — крупнейший «поставщик» международных студентов: за пределами родной страны обучается 662 000 китайцев. Китай также стал популярным направлением для иностранных студентов: сейчас их там насчитывается около 500 000, главным образом из стран развивающегося мира. Кроме того, Китай много вкладывает в «образовательную дипломатию», развивая сеть Институтов Конфуция (число которых превысило 500), программу «Один пояс — один путь» и другие инициативы.

Для мирового высшего образования чрезвычайно важно, чтобы контакты с Китаем поддерживались, особенно в нынешний непростой период.

Мировое академическое сообщество все в большей степени зависит от Китая. Для ряда стран, в особенности Австралии, международные студенты, основная доля которых приезжает как раз из Китая, — важнейший источник дохода. Некоторые вузы США, Канады, Великобритании и других стран тоже не могут обойтись без китайских студентов. В некоторых странах китайцы составляют большинство аспирантов и постдоков на различных программах в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук.

Университеты Европы и Северной Америки не просто так на протяжении почти полувека много вкладывали в развитие отношений с Китаем. Международные филиалы вузов, программы двух дипломов, разнообразные совместные исследовательские центры, программы по изучению китайской культуры — вот лишь несколько примеров. Все эти инициативы позволили западным вузам больше узнать о Китае — второй по

масштабам экономике мира и одной из величайших мировых цивилизаций, а также во многих случаях и заработать, что, конечно, являлось основной причиной открытия многих подобных программ.

Однако за всем этим Запад, кажется, забыл, что международное научно-образовательное сотрудничество в целом и сотрудничество с китайскими учеными и вузами в частности совершенно необходимо для укрепления взаимопонимания и решения общественных задач мирового масштаба, например для достижения сформулированных ООН Целей в области устойчивого развития. Разногласия, касающиеся теории происхождения вируса COVID-19 или разработки вакцин от него, показывают, как политика и отсутствие взаимопонимания мешают борьбе с кризисом и только тормозят ее.

Проблемы

Две наиболее болезненные темы текущего времени — репрессии против уйгуров и последствия нового законодательства о безопасности для Гонконга (см., например, [статью Карстена Хольца](#) на эту тему в 106-м выпуске «Международного высшего образования»). Геополитическая напряженность вокруг Тайваня и Восточной Азии в целом волнует еще больше людей и является предметом международного беспокойства. Китай, конечно, не единственное государство, подавляющее права человека, но из-за его роли в мире он, естественно, привлекает больше внимания.

Есть также целый ряд проблем в сфере высшего образования, которые серьезно беспокоят международное сообщество. Риски, связанные с кражей интеллектуальной собственности, которыми всерьез озабочены и частные компании, и правительства, отражаются и на университетах. На них также сказывается сужающееся пространство интеллектуальной свободы в Китае, ограничения доступа к информации, вызванные «великим китайским файерволом», жесткие ограничения академической свободы и использование соцсетей в качестве «оружия» против преподавателей и даже студентов, осмеливающихся на какие-то «антикитайские» высказывания, за что их подвергают травле. Этот список можно продолжить. Очевидно, что пространство для интеллектуальной свободы в Китае стремительно сжимается. Политика китайского правительства отрицательно влияет на сотрудничество в академической сфере и должна быть пересмотрена. Можно сравнить ее с политикой администрации президента Трампа в США в 2016–2020 годах.

Что делать?

Хотя конкретные законы и меры зависят от обстоятельств и местных условий и интересов, следующие рекомендации общего характера потенциально пригодны для всех стран.

- «Доверяй, но проверяй», как говорил Рональд Рейган во время переговоров с Советским Союзом.

При взаимодействии с партнерами из Китая следует руководствоваться четко обозначенными целями и подходами (см. статью Марейке Валерс [«Перспективы германо-китайского сотрудничества в сфере высшего образования»](#) в 105-м выпуске «Международного высшего образования»).

- С этим связан и важный принцип прозрачности: всё и вся должно свободно обсуждаться и решаться путем консенсуса, чтобы все партнеры одинаково понимали условия и цели сотрудничества.
- Следует поощрять и стимулировать привлечение международных студентов и всевозможные программы обмена. Интерес стабильно расширяющегося китайского среднего класса к зарубежному образованию по-прежнему растет, как и интерес к образованию внутри Китая. Международное образование выгодно для всех, и его развитие должно руководствоваться в первую очередь не факторами мягкой силы или рынка, а соображениями академической и общественной актуальности.
- Следует поощрять научное сотрудничество с Китаем (и на уровне отдельных ученых, и на уровне институтов), уже ставшее ощутимой движущей силой мировой науки, однако нужно при этом не забывать о мерах предосторожности, необходимых для предотвращения злоупотреблений человеческим трудом и бесконтрольного использования интеллектуальной собственности.
- Научно-образовательное сотрудничество должно — при соблюдении вышеперечисленных условий — оставаться прерогативой вузов, ученых и студентов и не должно контролироваться властями.

Заключение

В мире сейчас, несомненно, наступил переломный момент в том, что касается академических связей с Китаем. Все стороны прилагают и продолжают прилагать ощутимые усилия, чтобы ограничить или и вовсе прекратить некоторые формы контактов. Но нужно делать все возможное, чтобы этому противостоять, несмотря на все проблемы и трудности. Нужно оставаться реалистами.

Следует отметить, что в этой статье мы практически ничего не говорим об академической свободе. Мы считаем, что сотрудничество с Китаем должно проходить в таких условиях, чтобы в любом совместном проекте или программе был гарантирован хотя бы минимальный уровень академической свободы. Не стоит, однако, ожидать, что китайским вузам позволят соблюдать международные нормы в области академической свободы или автономии — это так же нереалистично, как и надеяться, что скоро сойдут на нет антиазиатские настроения, подозрения в шпионаже или воровстве интеллектуальной собственности и опасения насчет Институтов Конфуция, якобы нацеленных насаждать китайскую идеологию. (Не стоит забывать, что

у Великобритании, Германии и Франции есть аналогичные программы по распространению своего языка и культуры, используемые во внешнеполитических целях.) Действительно, в Китае и остальном мире сейчас наблюдаются расходящиеся тенденции. Тем не менее контакты и — в меру возможностей — сотрудничество в сфере высшего образования и науки идут на благо всем, в особенности студентам и ученым по обе стороны границы, которые, похоже, и стали главной жертвой сложившегося геополитического конфликта.

Академическая профессия в Китае поражена «инволюцией»

Цян Чжа

*Цян Чжа — доцент факультета образовательных наук Йоркского университета (Торонто, Канада).
E-mail: qzha@edu.yorku.ca.*

Прошлый год не только прошел под знаком глобального кризиса в области здравоохранения, но и тяжело ударил по китайскому академическому сообществу. Система оценки результатов деятельности ученых в китайских университетах совершила разворот на 180 градусов. В предыдущие десять лет огромный вес придавался публикациям в журналах, входящих в базу данных Science Citation Index (SCI) — коммерческого индекса цитирования, охватывающего огромное количество журналов по естественным, медицинским и техническим наукам. Индексируемые SCI журналы считаются ведущими, поэтому за публикацию в них можно получить не только материальную премию, но и преимущества при аттестации, например повышение по службе или возможность участвовать в различных программах профессионального развития для наиболее одаренных сотрудников, что, в свою очередь, может привести к повышению уровня доходов и расширению доступа к исследовательским ресурсам. Премия за статью в топовом журнале, входящем в SCI, могла достигать 85 тысяч долларов США. Так что количество статей, публикуемых китайскими учеными в журналах базы SCI, взлетело со 120 тысяч в 2009 году до 450 тысяч в 2019 году.

Как ни парадоксально, стабильно высокое количество научных публикаций в Китае не конвертировалось в инновации. Это стало ясно на фоне торговой войны с США, изобличившей тот факт, что Китай на самом деле отстает в сфере разработки передовых технологий и создания объектов интеллектуальной

собственности. Теперь считается, что даже ведущие китайские университеты больше недотягивают до передовых стандартов технологических разработок и научно-технического обмена. Ши Игун, один из лучших ученых страны, нашел неожиданное тому объяснение: китайские университеты делают не так уж много оригинальных или прорывных открытий. Он и раньше предупреждал, что кампания последних лет по повышению количества научных публикаций вряд ли подстегнет науку и технику. Он говорил, что она, скорее всего, лишь создаст ощущение благополучия — исключительно за счет количества и объема научных публикаций. Вот почему в феврале 2020 года Министерство образования и Министерство науки и технологий Китая выпустили новую директиву, согласно которой теперь официально не приветствуется разрешенная прежде практика использования SCI как главного критерия оценки деятельности ученых. Согласно новому документу, показатели базы данных SCI (например, количество статей в индексируемых SCI журналах, их импакт-фактор, индекс цитируемости статей) больше не засчитываются в качестве прямого свидетельства исследовательских заслуг, а выплачивать ученым премии за публикации в журналах, входящих в SCI, теперь запрещено. В декабре 2020 года Министерство образования и пять других центральных ведомств (включая Организационный отдел Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Отдел пропаганды ЦК КПК) выпустили новые правила повышения по службе сотрудников вузов. Они включают пункт о необходимости прекратить «оценивать публикации по тому, в каких журналах они вышли, и отдавать приоритет журналам, входящим в базу SCI».

Как ни парадоксально, стабильно высокое количество научных публикаций в Китае не конвертировалось в инновации.

Совсем недавно, 21 мая 2021 года, высшее руководство КПК распространило новую директиву, направленную на корректировку механизма аттестации сотрудников вузов в том, что касается показателей научно-технической работы. В этом документе перечисляются свойственные текущей системе проблемы, например проблема упрощения показателей и квантификации критериев, слепая гонка за тенденциями и чрезмерный утилитаризм. Предписывается разработать новую, многопараметровую систему аттестации

ученых, которая бы включала в себя оценку их работы с точки зрения рынка, средне- и долгосрочный анализ, а также анализ последствий. Новый документ показывает, насколько остро в Китае стоит вопрос об усовершенствовании системы аттестации ученых.

Дело в «инволюции»

Многие полагают, что основная причина этого парадокса кроется в так называемой «инволюции». Изначально эту концепцию ввели антропологи для описания ситуации в некоторых аграрных обществах, когда рост населения сопровождается сокращением среднедушевого благосостояния. Это явление сейчас наблюдается и в Китае: большинство людей трудится все больше и больше, но продвинуться по социальной лестнице им практически не удастся. Если перенести это на академическую профессию, то «инволюцией» можно назвать сложившуюся парадоксальную ситуацию, когда большинство ученых в вузах трудится больше, чем прежде, и публикует все больше статей, но это не приводит к заметному укреплению инновационного потенциала китайского высшего образования. Наглядное доказательство этого парадокса заключается в том, что, с одной стороны, все больше китайских университетов попадает в международные рейтинги благодаря большому количеству публикаций и цитирований, но, с другой, США легко воспользовались технологическими проблемами Китая в своих интересах и сумели взять его за горло в двухсторонней торговой войне. Если быть еще точнее, то, по информации международных баз данных по исследовательским публикациям, Китай опережает США по количеству публикаций в сфере материаловедения, вычислительных наук, инженерного дела, химии, математики и физики. Но при этом большинство из 35 основных технологических ограничений страны, указанных в Science and Technology Daily, связаны именно с только что перечисленными областями.

Но почему инволюция вызывает такой эффект? Считается, что к инволюции в обществе приводит дефицит ресурсов. В условиях нехватки необходимых обществу ресурсов институты определенного типа стремятся к тому, чтобы максимально заполучить эти самые дефицитные ресурсы и распределить их между собой. По мере эволюции этих институтов общество, наоборот, «инволюционирует». Возвращаясь к китайскому высшему образованию: на протяжении последних 20 лет правительство проводило несколько инициатив по повышению конкурентоспособности вузов, направленных либо на создание университетов мирового класса (см. Проект 211, Проект 985 и «План создания университетов и академических дисциплин мирового класса»), либо на поддержку выдающихся ученых (программа «Тысяча талантов», научная премия Чанцзян (премия реки Янцзы)). В эти программы были вложены огромные ресурсы. В подражание центральному правительству власти многих провинций запустили у себя на региональном уровне аналогич-

ные программы. Все эти программы не просто перетянули на себя почти все ресурсы, они использовали критерии отбора, в основе которых — публикации в журналах с высоким импакт-фактором (то есть, например, в журналах, индексируемых SCI, а это по определению лишь небольшая доля всех естественно-научных изданий), что непосредственно привело к созданию ситуации дефицита.

Сложившийся «SCI-тистский» режим только усугублял ситуацию, заставляя китайские университеты и их сотрудников сосредоточить все свое внимание и усилия на том, чтобы как можно скорее устранить дефицит, то есть как можно скорее получить доступ к вышеперечисленным правительственным программам. Это часто приводит к масштабному повышению продуктивности за счет проведения всех работ в максимально сжатые сроки. Некоторые исследователи применяют различные тактические маневры, чтобы любой ценой опубликоваться в журналах, входящих в базу SCI.

Вдобавок ко всему дефицит ресурсов негативно сказывается на наших когнитивных способностях и на функционировании. В условиях дефицита поле зрения сужается, то есть человек озабочен исключительно получением доступа к недостающим ресурсам или возможностям, нередко в ущерб «пропускным способностям» мозга, т.е. когнитивной способности мыслить и что-то придумывать. Это, в свою очередь, затормаживает подвижный интеллект. Последнее подавляет способность размышлять о фундаментальных вопросах и работать над долгосрочными задачами и, соответственно, приводит к тому, что результаты работы оказываются не инновационными, а скорее посредственными. По сути, концепция дефицита ресурсов довольно хорошо помогает объяснить инволюцию академической профессии в Китае и, что еще важнее, понять, чего следует ждать дальше.

Что дальше

Перечисленные выше новые меры, принимаемые в последнее время китайским правительством, показывают, что власти пытаются разорвать инволюционный цикл, в котором, похоже, застряла китайская наука, и что они действительно хотят, чтобы китайские ученые снова стали заниматься по-настоящему инновационными исследованиями и делать резонансные открытия. Однако эффект зависит от определенных внутренних и внешних обстоятельств.

Если говорить о внутренних факторах, то Китай — страна огромных размеров, и, соответственно, ресурсов все время не хватает. Например, если взять даже хотя бы сто лучших университетов страны, то между ними иногда наблюдается тридцатикратный разрыв в уровне доходов. Прежде политический курс на создание режима дефицита действительно казался естественным и даже оказался вполне эффективным для достижения поставленных Китаем целей в области общественного и экономического развития.

В принципе, в ситуации дефицита можно извлечь выгоду за счет сужения приоритетов, и сосредоточение на какой-то одной конкретной задаче будет способствовать повышению продуктивности. Этот эффект вполне удовлетворяет Китай в его стремлении обойти остальные страны в условиях глобальной конкуренции. Но если не будет внедрен альтернативный подход и если он окажется неэффективным, то в какой-то момент маятник может по инерции качнуться в обратную сторону. Стоит заметить, что, хотя китайское правительство осудило использование показателей, связанных с SCI, никакого альтернативного механизма аттестации ученых, который был бы одобрен властями, пока нет.

Если же говорить о внешних факторах, то господствующий в мире режим академического капитализма тоже в некотором плане связан с дефицитом: считается, что для максимизации доходов от науки нужно инвестировать в передовые вузы и лучших ученых (которых постоянно скрупулезно отбирают). Соответственно, ученых стимулируют к тому, чтобы они как можно больше и быстрее публиковались в журналах с высоким импакт-фактором, потому что это обеспечивает вузам, с которыми они аффилированы, высокие показатели цитируемости, а это очень важно для университетов, так как улучшает их позиции в рейтингах. И если новая политика негативно скажется на результатах китайских университетов в международных рейтингах, то существует риск, что правительство (да и сами университеты) захотят откатить все назад и вернуться к старым правилам игры.

В героическом прошлом Китая уже были первоклассные вузы

Ян Жуй

*Ян Жуй — замдекана (по науке)
и профессор факультета наук об образовании
Университета Гонконга (Китай).
E-mail: yangrui@hku.hk.*

В последние десятилетия мы наблюдаем, как Китай еще сильнее активизировался в стремлении вывести свои передовые университеты на авансцену международных рейтингов. Ровно сто лет назад молодые китайские вузы быстро снискали себе международную славу как учебные заведения мирового класса. И хотя начало XX века принесло китайскому народу много бед, этот период оказался пиком модернизации высшего образования. Если западная идея универ-

ситета сформировалась по результатам накопления практического опыта, то китайские представления о современных университетах предвосхитили жизнь и окончательно закрепились во времена так называемой «новой политики» на закате правления династии Цин (1901–1912). Тогда Китай действительно успешно многому научился у Запада — в этом смысле ни властям коммунистического материкового Китая, ни националистскому правительству Тайваня, ни колониальным гонконгским властям впоследствии так и не удалось превзойти последних представителей династии Цин.

Миссионерские колледжи

Миссионерские колледжи стали открываться в Китае в самом начале XX века, и они быстро вышли на международный уровень. Вступив в противостояние с тысячелетней культурой и изощренной интеллектуальной традицией Китая, эти колледжи неотступно продолжали свое культурное наступление на Восток и послужили проводником западных ценностей и знаний. Первым христианским высшим учебным заведением в Китае был Колледж Тэнчжоу, основанный еще в 1882 году. К началу 1940-х годов в стране насчитывалось 13 протестантских и 3 римско-католических вуза. Огромную роль в усилении американского влияния на ранних стадиях развития современного китайского высшего образования сыграл Университет Сучжоу, основанный в 1901 году представителями Южной методистской епископальной церкви и ставший первым в Китае университетом, полностью созданным по западному образцу. Китай также познакомился с американской моделью высшего образования благодаря Университету Св. Иоанна в Шанхае.

Миссионерские колледжи оказали беспрецедентное влияние на развитие китайского высшего образования на ранних его этапах и задали пример того, как должны быть устроены важные аспекты работы университета, включая задачи и идеалы. Учившиеся там и жившие при колледжах студенты-китайцы и работавшие в них преподаватели-иностранцы достигли больших высот в культурном скрещивании китайской интеллектуальной традиции с западной. Некоторые из этих вузов, например Яньцзинский университет, Шаньдунский христианский университет и Университет Св. Иоанна, снискали славу как передовые китайские научные центры. Сумев воплести китайские традиции в целом, в общем-то, продиктованную Западом образовательную программу, эти университеты пришли к международному видению науки и сформировали собственную уникальную модель образования.

Именно выпускники миссионерских вузов оказались оплотом развития страны в первой половине XX века. Благодаря своим высочайшим академическим стандартам многие колледжи получили международное признание и заработали себе репутацию университетов мирового класса. Они же первыми стали разрабатывать собственно китайские образовательные

программы, в частности в сфере антропологии, журналистики, права, социологии и экономики. Согласно международному опросу, проведенному Калифорнийским университетом в 1928 году, Яньцзинский университет был признан одним из двух лучших университетов Азии, благодаря чему его выпускники получили право поступать в аспирантуру американских вузов без экзаменов. Миссионерские вузы занимались передовыми научными исследованиями, например в области сельского хозяйства (Нанкинский университет), культурологии (Шаньдунский христианский университет), изучения фольклора, народного искусства и музыки (Фукинский христианский университет), музееведения (Объединенный протестантский университет Западного Китая).

Вузы, основанные китайцами

В 1895 году, когда Китай проиграл Японо-китайскую войну, стало очевидно, что для восстановления страны нужны современные учебные заведения, которые бы помогли китайцам перенять западный опыт. Представители властей и дворянства начали открывать собственные колледжи, где обучали западной науке и технологиям. За период с 1862 по 1898 год сторонники реформ создали 44 новых вуза, где — впервые в китайской истории — можно было познакомиться с достижениями Запада, например в сфере естественных наук и прикладных технологий, и даже выучить иностранные языки. Первым таким учебным заведением стал Тунвэньгуань — государственное училище по подготовке переводчиков с западных языков, основанное в 1862 году. В 1866 году там открылись факультеты математики и астрономии. В 1902 году училище вошло в состав Императорского университета Пекина.

Одним из таких вузов был Императорский университет Тяньцзина, основанный в 1895 году и занявший определенную историческую нишу. Созданный по образцу Гарварда и Йеля и затем модернизированный по образцу японских императорских университетов, он стал первым китайским вузом, который давал комплексное, системное западное образование и по праву может считаться университетом в современном понимании этого слова. Он также стал первым в Китае современным государственным университетом, полностью внедрившим у себя знакомую нам и сегодня западную модель инженерного образования. Этот вуз также первым в Китае принял устав, где были четко прописаны основополагающие принципы, миссия и видение, то есть его основатели отлично во всех деталях понимали, что важно в университете.

Китайские вузы современного образца создавались для того, чтобы познакомить страну, которая стремилась к национальному единству и экономическое развитие которой зависело от готовности противостоять усиливавшейся империалистической агрессии, с западной наукой. Эти вузы, способствовавшие успешному всестороннему приобщению Китая к западному образованию, готовили специалистов, столь нужных

бедствовавшему китайскому обществу, а еще занимались инновационными исследованиями в самых разных направлениях. Удивительно, что вузы не снижали свои высокие академические стандарты, даже когда большая часть территории Китая оказалась охвачена пламенем войны. Не зря Джозеф Нидэм называл Чжэцзянский университет «Кембриджем Востока». Еще более авторитетным считался Объединенный юго-западный университет, прославившийся высочайшим качеством научных исследований по самым разным дисциплинам.

Заслуживающий внимания исторический опыт

В свете усугубившегося кризиса, с которым столкнулась страна, китайские вузы современного образца благоразумно стремились сочетать западную академическую традицию с местными идеологическими, культурными и образовательными особенностями. Это было ярчайшим элементом их развития в первой половине XX века. Особенной похвалы заслуживает продуманность деталей на индивидуальном, институциональном и системном уровне во всем, что связано с налаживанием взаимоотношений между Китаем и Западом в сфере образования, науки и управления университетами. Всего этого Китаю удалось достичь довольно быстро после того, как он вообще впервые познакомился с западной идеей университета. Эти достижения прошлого задают нам высокую планку.

Поскольку в своем героическом прошлом Китай не имел сильного централизованного правительства, эти времена оказались периодом нестабильности и хаоса, хотя именно тогда предпринимались серьезные попытки создать настоящий «университет», основанный на ценностях автономии и академической свободы. Суровая правда состоит в том, что за последние полвека повторить достижения прошлого не удалось ни в материковом Китае, ни на Тайване, ни в Гонконге.

Китайские вузы современного образца благоразумно стремились сочетать западную академическую традицию с местными идеологическими, культурными и образовательными особенностями.

Скачкообразные периоды активности и нерегулярность ресурсоснабжения не гарантируют стабильности. И дело здесь не в деньгах и не в идеологии: вся загвоздка в культуре. Китаю стоит поучиться на собственной истории, в частности обратиться к периоду примерно вековой давности, когда китайская традиция только повстречалась с западной.

.....

Изучение высшего образования и контроль качества в африканских университетах

Хардсон Куандаи

*Хардсон Куандаи — директор по качеству Государственного университета Лунане (Зимбабве).
E-mail: hpkwandayi@lsu.ac.zw.*

Контроль качества в сфере высшего образования — это уже глобальный феномен. Его развитие было обусловлено рядом факторов, включая массовизацию высшего образования, усиление конкуренции, приватизацию, появление новых форм образования и развитие трансграничного образования. Все эти факторы привели к снижению образовательных стандартов. В рамках процесса укрепления контроля качества появились соответствующие организации континентального и глобального уровня. Европейский союз, к примеру, разработал еще в 2005 году Европейские стандарты и рекомендации для гарантии качества высшего образования в европейском пространстве (ESG-QA). А в 2019 году Африканский союз выпустил собственные Африканские стандарты и рекомендации для гарантии качества высшего образования (ASG-QA). Они представляют собой набор стандартов и рекомендаций для внутреннего и внешнего контроля качества в африканских вузах. Однако внедрение этого документа на практике замедлилось из-за ограниченных возможностей континента в этой сфере.

Исследования высшего образования как основа стандартов контроля качества

Успешность внедрения ASG-QA можно повысить, познакомив управленцев, работающих в сфере высшего образования, с концепциями и теориями известных исследователей высшего образования. Это важно, потому что стандарты составлены на основе этих самых

концепций и теорий. Тщательный анализ показывает, что почти все 13 пунктов ASG-QA связаны с основными курсами, которые изучают будущие исследователи высшего образования, включая курсы управления в высшем образовании, финансового менеджмента, преподавания, разработки учебных программ и учебных планов, стратегического планирования и управления. Знание всего этого — залог эффективного контроля качества в высшем образовании. В связи с этим очень важно, чтобы управленцы были знакомы с исследованиями в области высшего образования и, соответственно, могли повышать эффективность реализации принятых стандартов и рекомендаций. Дать им эти знания можно либо путем формального обучения, либо в формате обучения на рабочем месте (поскольку вузов, где можно получить профильное образование, в Африке мало).

В 2019 году Африканский союз выпустил собственные Африканские стандарты и рекомендации для гарантии качества высшего образования...

В Африке мало возможностей для изучения высшего образования

Хотя изучение высшего образования, безусловно, могло бы повысить эффективность реализации ASG-QA, возможностей получить такое образование в африканских вузах немного. В 2014 году Лора Рамбли и ее коллеги из Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа провели международное исследование о том, где в мире можно изучать высшее образование и заниматься соответствующими научными исследованиями. Оказалось, что больше всего исследовательских центров, которые занимаются высшим образованием, находится в США (50), затем следуют Китай (45), Великобритания (18), Япония (11), Германия (8), Канада (7) и Австралия (5). В Африке было всего шесть таких центров, или 3% от общемирового количества.

Лишь несколько африканских вузов (к ним относятся Университет Квазулу-Натал и Кейптаунский университет (ЮАР), а также Университет Макерере (Уганда)) предлагают образовательные программы (в том числе на уровне аспирантуры), связанные с изучением высшего образования. Это довольно новая тенденция, которая развивается при поддержке международных партнеров. Расширение подобных образовательных программ помогло бы существенно повысить

профессионализм сотрудников, занимающихся контролем качества в африканских университетах.

Учебные курсы, важные для специалистов в сфере контроля качества

Далее перечислены учебные курсы, которые могли бы помочь существенно повысить эффективность реализации ASG-QA.

- **Стратегическое планирование и управление.** Большинство образовательных программ в сфере высшего образования охватывает эту тему. В курсах на данную тему рассматриваются различные стратегии и процессы принятия стратегических решений в колледжах и университетах. Изучаются также различные процессы стратегического планирования, начиная с анализа внешней среды и анализа институциональных сильных и слабых сторон, возможностей и угроз и заканчивая выявлением стратегических тем и в конце концов формулированием, реализацией и оценкой стратегии. Подобные курсы также дают полезную справочную информацию, связанную с первым стандартом ASG-QA, который касается стратегии, видения и миссии. Такая информация помогает преобразовать стратегические цели в конкретные стратегические планы и принципы деятельности. Элементарные знания о стратегическом планировании помогают совместить его с контролем качества, и эта тема сейчас привлекает большое внимание руководителей вузов.
- **Разработка учебных программ и учебных планов.** Эта важная с точки зрения контроля качества тема связана с седьмым пунктом ASG-QA, который описывает «разработку, согласование, мониторинг и оценку образовательных программ». Согласно этому стандарту у вузов должны быть правила и процедуры по открытию новых образовательных программ. Должны быть прописаны задачи и ожидаемые результаты обучения для каждой программы, причем в соответствии с компетентностно-ориентированным подходом. Должны быть четко прописаны процедуры внесения изменений в образовательные программы и их закрытия. Соответственно, для реализации стандартов и рекомендаций в сфере контроля качества в рамках пункта 7 ASG-QA требуются знания и навыки, которые можно получить, глубоко изучив курс по разработке и развитию учебных программ. А чтобы лучше понять внедренные стандарты, следует узнать, как проходит разработка учебных планов и учебных программ. Например, получив специализированную подготовку в рамках программы по изучению высшего образования. Курсы, посвященные данной тематике, обычно включают такие вопросы, как теория и практика в сфере разработки учебных планов и учебных программ для

вузов; планирование, разработка и реализация учебных программ; преподавание и контроль знаний; усвоение знаний студентами; инновации в разработке учебных планов и внесение изменений в них; измерение и оценка результатов обучения. Для повышения качества преподавания и обучения студентов используются различные методы оценивания (которые также нужно разработать и проверить). Изучаются также ключевые термины, используемые в этой сфере: валидность, надежность, применимость. Обсуждаются принципы создания, использования и оценки тестов, а также анализ заданий.

- **Преподавание и обучение.** Курс с таким названием часто встречается студентам, изучающим высшее образование. В нем рассматриваются различные стратегии преподавания и обучения с опорой на образовательную теорию и практику. Обычно содержание такого курса включает в себя принципы эффективного преподавания и педагогической подготовки; понимание различных способов познания и стратегий обучения; институциональные подходы и планирование занятий; методы микрообучения; стратегии оценки знаний; взаимообучение, основанное на совместной работе учащихся, и оценка студентами преподавателей; учебная среда в XXI веке. Понимание этих аспектов чрезвычайно важно для эффективной реализации восьмого стандарта ASG-QA.
- **Финансовый менеджмент.** Эффективный финансовый менеджмент — залог эффективного управления вузом в целом. Даже если вузу удастся привлечь большие средства, добиться существенных успехов в отсутствие экономически эффективной стратегии управления финансами сложно. Эффективный финансовый менеджмент считается одним из ключевых аспектов качества управления в вузах. И теперь африканским университетам приходится начинать соответствовать международным стандартам финансового менеджмента в соответствии с четвертым пунктом ASG-QA. Поэтому очень важно, чтобы руководители вузов были знакомы с теоретическими аспектами финансового менеджмента в высшем образовании. Издержки растут, ресурсы тают, так что эффективный, этичный и социально ответственный подход к управлению финансовыми ресурсами — важный навык для людей, работающих в вузах. Предлагаемые в рамках образовательных программ по изучению высшего образования специализированные курсы по финансовому менеджменту охватывают специфичные для высшего образования темы, включая планирование и ведение бюджета, распределение ресурсов, управление активами, работу с государственными субсидиями, финансовое планирование и фандрайзинг. Владение этими темами помогло бы руководителям вузов повысить качество управления финансовыми ресурсами, которое

выражается в разработке эффективных подходов к управлению выручкой, долгами, рисками и активами, к внутривузовскому контролю и к закупкам.

Заключение

Для руководителей вузов в целом и для тех, кто занимается контролем качества, в частности важно пройти базовую подготовку по изучению высшего образования, чтобы улучшить теоретическую базу в плане понимания используемых в этой сфере концепций и принципов, необходимых для повышения эффективности контроля качества в вузах. Университеты Африки должны уделять больше внимания изучению высшего образования, потому что нехватка профессиональной подготовки в этой сфере остается ахиллесовой пятой высшего образования на африканском континенте.

Влияние пандемии COVID-19 на высшее образование и науку в Африке

Росс Янсен-ван Вюрен
и Альхаджи Нджай

Росс Янсен-ван Вюрен — редактор журнала Scientific African, постдок Королевского университета в Кингстоне (провинция Онтарио, Канада). E-mail: rdjv@queensu.ca, rossvanvuuren@gmail.com.

Альхаджи Нджай — доцент Университета Сьерра-Леоне, а также основатель и главный специалист по стратегическим вопросам Project 1808, Inc. (Сьерра-Леоне). E-mail: alhaji.njai@gmail.com.

Пандемия COVID-19 привела не только к масштабным человеческим потерям и снижению уровня благосостояния, но и [внесла хаос в мировую науку](#). В том числе в Африке, где пандемия буквально [перевернула науку с ног на голову](#).

Пандемия перелицевала африканскую науку

Африканская академия наук [сформулировала список научных приоритетов](#), и институты и исследовательские группы, обладающие необходимыми ресурсами и финансированием, исправно работают над поставленными задачами. Например, Институт имени

Пастера в столице Сенегала Дакаре [запустил платформу для быстрой диагностики COVID-19](#) (DiaTropix), а научные институты ряда других стран проводят клинические испытания лекарств и вакцин против нового коронавируса в рамках консорциума [ANTICOV](#). Более того, ученые из Африки опубликовали в 2019–2020 годах около 1200 научных статей ([3% от общемирового числа](#)) на темы, связанные с COVID-19.

Однако в странах с ограниченными ресурсами пандемия оказала разрушительное воздействие на преподавание, обучение и науку. Преподавателям и исследователям из африканских стран с низким и средним уровнем доходов [и так было трудно](#). Пандемия COVID-19 не только обострила уже имевшиеся проблемы, но и привела к новым, например обнажила огромные различия между вузами разных стран, а также в пределах отдельных государств. Чтобы лучше понять последствия пандемии для образования и науки, мы опросили исследователей и преподавателей из университетов ряда африканских стран: Зимбабве, Кении, Нигерии, Сьерра-Леоне, Сомали, Судана, Уганды, Эфиопии и ЮАР.

Однако в странах с ограниченными ресурсами пандемия оказала разрушительное воздействие на преподавание, обучение и науку.

Низкий уровень цифровой грамотности и доступа в интернет затрудняет онлайн-занятия

Во многих африканских странах, как и на Западе, вспышка COVID-19 привела к серии серьезных ограничительных мер и, соответственно, к приостановке очных лекций, семинаров и занятий в лабораториях. Многим студентам и преподавателям пришлось вернуться в родные дома — в сельскую местность. И хотя вузы всего мира столкнулись с необходимостью быстро освоить образовательные онлайн-платформы, для студентов и преподавателей из африканских стран с низким и средним уровнем доходов эта задача оказалась чрезвычайно сложной из-за плохой технической оснащенности, слабого доступа в интернет и низкого уровня компьютерной грамотности. В Зимбабве, к примеру, интернетом пользуется всего 33% населения, и хотя мобильный интернет в этой

стране — один из самых дешевых в Африке, из-за инфляции ([которая достигла в феврале 2021 года 322%](#)) позволить его себе практически никто не может. Один вузовский преподаватель из Кении рассказал, что там интернет, наоборот, дешев и легко доступен, а многие студенты даже бесплатно получили возможность скачивать дополнительный трафик. Впрочем, другой кенийский респондент, а также один профессор из Нигерии констатируют, что стабильность доступа в интернет очень сильно зависит от местоположения, будь то в сельской местности или в городской. Один профессор из ЮАР поделился радостным сообщением о том, как операторы мобильной и иной связи щедро помогли вузам и студентам, бесплатно увеличив для них трафик и предоставив аппаратуру для связи. В целом же онлайн-образование отрицательно сказалось на качестве обучения студентов, на возможностях для взаимодействия с преподавателями и вообще для продолжения обучения. Некоторым студентам пришлось бросить учебу, других отчислили за неуплату. Нигерия столкнулась с проблемой втягивания оставшихся без дела студентов в деятельность агрессивных политических группировок.

Пандемия сказалась и на международном сотрудничестве: студенты лишились возможности участвовать в международных программах обмена, а невозможность посещать международные конференции/встречи и отсутствие цифровой поддержки при проведении онлайн-мероприятий стали помехой для налаживания международных связей (как для студентов, так и для сотрудников вузов). К тому же в отсутствие очных контактов (и в силу описанных выше трудностей, связанных с доступом в интернет) студенты стали получать меньше поддержки от своих научных руководителей и других преподавателей. В африканской культуре процесс установления доверия сильно связан на очные контакты. Соответственно, перемены последнего времени вынудили людей пересмотреть свои ментальные установки.

Сложности в экспериментальной науке

Заниматься практическим обучением или исследованиями в сфере экспериментальных наук в онлайн-формате невозможно. Как и многие другие вузы мира, африканские университеты поначалу тоже закрыли свои лаборатории, что привело к научным потерям (потере времени и экспериментальной работы/образцов), и приостановили полевые исследования. Ученые из различных африканских стран рассказывают, как из-за и без пандемии скромного оборудования и компетенций исследования тормозились в силу проблем с отправкой образцов на проверку и анализ, закупкой необходимых материалов и починкой аппаратуры, потому что они всегда зависели от международных ресурсов и знаний. К тому же многие африканские поставщики химических препаратов покупают их за границей, а из-за начавшегося в марте 2020 года локдауна и последовавших ограничений на передвижения

объемы поставок сократились. При этом резко повысился спрос на химические вещества, нужные для производства дезинфицирующего геля для рук и других средств, используемых в борьбе с COVID-19. На работе ученых сказались даже такие факторы, как снижение вместимости общественного транспорта, потому что студенты и сотрудники вузов, которым нужно работать в лабораториях, оказались вынуждены гораздо больше времени тратить на дорогу и, соответственно, стали меньше времени проводить за работой.

Перераспределение ресурсов из-за борьбы с COVID-19

Многие африканские университеты и так работали в условиях недофинансирования и нехватки ресурсов, и пандемия только усугубила существовавшие проблемы. Власти перенаправили имеющийся скудный бюджет на нужды, связанные с COVID-19, а не на поддержку образования и науки. Студенты и ученые столкнулись с сокращением числа стипендий и грантов, а многие действовавшие гранты и проекты без временных рамок были прерваны до получения удовлетворительных результатов. Кроме того, преподаватели из разных африканских вузов рассказывают, что по мере снятия ограничений появилась потребность в обеспечении различных мер безопасности, связанных с COVID-19, например потребность в закупке масок, дезинфицирующих средств, термометров и — что особенно актуально в странах с ограниченными водными ресурсами — в создании адекватных условий для уборки и мытья рук; также понадобилось обучить сотрудников мерам предосторожности и работе с онлайн-платформами. Из-за социального дистанцирования обострилась и без того напряженная атмосфера в переполненных учебных аудиториях и лабораториях; некоторые здания, принадлежащие университетам (например, [в Эфиопии](#)), были переоборудованы в карантинные базы, что только усугубило проблему ограниченности ресурсов.

Положение преподавателей вузов и студентов, многие из которых и так вынуждены жить на небольшие средства, только ухудшилось из-за ускорившейся во многих африканских странах инфляции. Неравенство между людьми усугубилось, потому что сильнее всего кризис ударил по наименее благополучным слоям населения. Инфляция также привела к повышению цен на транспорт, из-за чего ученым стало труднее заниматься полевой работой, особенно если она предполагает поездки в сельскую местность, а также, как отметил один профессор из Уганды, стало трудно находить деньги для возмещения расходов участникам исследований. Некоторые преподаватели и сотрудники вузов даже прибегли к забастовкам, требуя улучшения условий труда на фоне повышения стоимости жизни, но эти действия только внесли дальнейший разлад в научную и образовательную деятельность.

Национальный контекст

Многие страны с низким и средним уровнем доходов и раньше жили с работающей на пределе возможностей системой здравоохранения, некомпетентным руководством и плохой системой распространения информации, что привело к обострению проблем и рисков, связанных с пандемией. Перечисленные факторы продолжают негативно влиять на африканские университеты: университетское сообщество понесло множество тяжелых утрат (умерли многие выдающиеся профессора), а сотрудники и студенты по понятным причинам боятся заразиться и озабочены возможными рисками. Пандемия COVID-19 повлияла на образовательный процесс и на науку: снизилось качество обучения, а многие студенты не успели окончить вуз в нормальные сроки, что может привести к негативным последствиям на индивидуальном и национальном уровне.

Проблемки надежды

Но несмотря на все проблемы, с которыми сталкиваются африканские вузы, виднеются и проблески надежды. К примеру, в Эфиопии, чьи сельские регионы отличаются низким уровнем компьютерной грамотности, некоммерческая организация Academics Without Borders запустила совместно с Инджибарским университетом проект по повышению цифровой грамотности сотрудников и студентов. Как говорится, «нужда научит горшки обжигать», так что иногда нужда выливается в инновационные проекты типа разработки Нигерийским институтом медицинских исследований диагностических комплектов (они дешевле и эффективнее большинства наиболее распространенных систем ПЦР-анализа). Тот факт, что африканские университеты активизировались в борьбе с COVID-19, не может не обнадеживать. Тем не менее только сотрудничество с международными партнерами поможет решить некоторые глубинные проблемы, обнажившиеся на фоне кризиса.

Европейское высшее образование: взгляд в прошлое и будущее

Андреа Сюрсок

Андреа Сюрсок — старшая советница Ассоциации европейских университетов.
E-mail: andree.sursock@eua.eu.

Более развернутая версия этой статьи опубликована на сайте ассоциации в серии *Expert Voices*.

В период после 1999 года европейские университеты подверглись значительным изменениям и обновлению. Эти трансформации были вызваны изменениями на глобальном, общеевропейском и национальном уровне и стали результатом целенаправленных изменений, инициатором которых иногда становились власти, иногда — сами вузы, а иногда — и те и другие.

Оглядываясь назад: 1998–2010 годы

Оглядываясь на прошедшие два десятилетия, можно заметить, что глубинные изменения в Европе стартовали в 1998 году, когда французский министр образования Ален Жюппе созвал своих коллег из Великобритании, Германии и Италии в Сорбонну на церемонию, где они вместе объявили о запуске реформы высшего образования. Остальные европейские страны поспешили присоединиться. Так зародился Болонский процесс. Он начался на фоне усиления значимости глобализации, инновационной экономики, информационно-коммуникационных технологий, интернационализации, качества и духа предпринимательства, которые и стали важнейшими факторами преобразований.

Реакцией на эти тенденции стали начавшиеся под руководством властей реформы, хотя во многих случаях первоначальной побудительной силой для них (иногда явственно, иногда не очень) оказывались ректоры вузов. Несмотря на то что направление и масштаб реформ зависели от конкретной страны, у них были и общие элементы, заданные рамками модернизационной повестки ЕС в сфере высшего образования. Четыре наиболее распространенных направления реформ были связаны с контролем качества, политикой в области науки, автономией вузов и финансированием. Некоторые страны также провели реформу системы управления вузами и внедрили новые модели академической карьеры.

Эти реформы проходили в контексте комплексных широкомасштабных трансформаций в сфере высшего образования. В ряде стран, главным образом в Центральной и Восточной Европе, заметно выросла доля молодежи, получающей высшее образование, что связано с существенным увеличением числа вузов

(преимущественно за счет частного сектора). В других странах (в особенности в Западной Европе, но не только) с целью повышения влияния вузов на национальном и международном уровне происходило слияние университетов и создавались консорциумы. Это стало особенно актуально с выходом в 2003 году первого международного рейтинга, высветившего превосходство американских вузов над европейскими.

Эти реформы проходили в контексте комплексных широкомасштабных трансформаций в сфере высшего образования.

Нельзя недооценивать масштабы первого десятилетия реформ. Вузы многих стран внедряли по несколько реформ одновременно, параллельно учась справляться с обширными изменениями, спровоцированными Болонским процессом, борясь с проблемами, связанными с высоким уровнем безработицы, и стараясь одновременно с этим повысить качество исследовательской работы.

Все эти реформы коренным образом изменили внутреннее устройство университетов. К примеру, реформа подготовки кадров высшей квалификации привела к созданию новых структур (аспирантских школ) и новых процессов (совместного научного руководства). Благодаря Европейскому пространству высшего образования и Европейскому научному пространству расцвело сотрудничество между университетами, а также между вузами с одной стороны и частным сектором — с другой. В сочетании с повышением внимания к интернационализации изменения в европейских и национальных программах финансирования науки привели к укреплению административно-хозяйственных служб университетов и к профессионализации административного персонала. Расширение автономии способствовало повышению качества руководящих кадров и укреплению стратегического потенциала вузов по улучшению своего институционального имиджа и международной привлекательности. А самым важным внутренним изменением стало, по мнению 60% опрошенных европейских вузов (причем это были вузы с большими международными амбициями), внедрение внутренних механизмов контроля качества.

Современный период: 2011–2020 годы

Второе десятилетие нынешнего века началось на фоне плачевных последствий финансового кризиса 2008 года и сдвига в сторону антилиберализма. Все это

негативно сказалось на институциональной автономии. В некоторых странах демографический спад вызвал сокращение сектора частного высшего образования, старение населения сказалось на государственных финансах. Ослабление европейской политики и ощущение, что Болонский процесс пошел на спад, привели к расхождению стратегий разных стран, хотя в них легко можно было заметить некоторые общие элементы: сокращение госрасходов, повышение рабочей нагрузки, массовый вывод преподавателей за штат, а также усиление внимания к процессам обучения и преподавания и к выработке навыков, востребованных на рынке труда. Распространились различные новые инструменты финансирования высшего образования, причем большинство из них завязано на результаты деятельности вузов.

Затяжные последствия финансового кризиса и постоянная обеспокоенность результатами международных рейтингов обусловили запуск в разных странах различных инициатив по повышению конкурентоспособности вузов, предполагающих распределение дополнительных средств между особым образом отобранными университетами.

Взгляд в будущее: 2021–2030 годы

Третье десятилетие этого века началось при еще более мрачных обстоятельствах. Экономическая ситуация как раз только-только стала улучшаться, и тут грянула пандемия COVID-19, ставшая для всех в мире настоящим испытанием на прочность, в том числе для вузов, их сотрудников и студентов.

Причем пандемия оказалась не единственным фактором изменений: усилилась роль новых акторов (например, сторонних поставщиков образовательных услуг и компаний, занимающихся образовательными технологиями), сформировались новые тенденции, которые сказались на всех трех аспектах миссии университетов. В качестве примера можно привести переход на цифровые технологии и его последствия с точки зрения навыков, которые получают выпускники, и с точки зрения организации образовательного процесса. Другой пример — повышение интереса к эмпирическому обучению, образовательным программам короткого цикла, программам узкоспециализированной подготовки и накоплению сертификатов об обучении. Среди тенденций в области науки следует отметить движение «Открытая наука», попытки свести исследования к инновациям (и сопротивление этому со стороны ученых), усиление роли трансляционных и междисциплинарных исследований, сдвиг в сторону качественной оценки исследовательской деятельности. Цели в области устойчивого развития ООН и экологический кризис побуждают вузы задуматься о совмещении всех трех аспектов своей миссии через проблемно ориентированное обучение, науку и взаимодействие с обществом.

Хотя вышеперечисленные тенденции актуальны для университетов всего мира, заявление французского

президента Макрона, сделанное в 2017 году, ознаменовало перезапуск сотрудничества между европейскими университетами. Инициатива «Европейские университеты», в рамках которой дополнительное финансирование получает 41 университетский альянс по всей Европе, способна и помочь справиться с описанными выше глобальными тенденциями, и придать высшему образованию новый импульс через продвижение последовательного и согласованного подхода к нему в разных странах. Хотя это довольно новая инициатива, она уже вдохнула новую жизнь в казавшийся ослабшим Болонский процесс, выветив потребность в изменении законодательства различных стран, что нужно для реализации потенциала этих стратегических университетских альянсов. С другой стороны, эта инициатива охватывает всего 5% европейских вузов, и на них приходится лишь 20% всех студентов в Европе (речь идет о 284 университетах из 31 страны). Большинство вузов и студентов этой инициативой не охвачено, а ряд стран вообще в ней не участвует. Очень важно сделать так, чтобы они не остались за бортом во времена, когда всем нужны решительные перемены.

Франция: четыре способа стать лучше

Франсис Верийо и Манон Гийо

*Франсис Верийо — специальный советник Института Монтея, а Манон Гийо — глава управления маркетинга, коммуникаций и брендированного контента Института Монтея (Париж, Франция).
E-mail: francis.verillaud@gmail.com; mguyot@institutmontaigne.org.*

Пандемия COVID-19 стала для университетов испытанием на прочность. Французская система высшего образования и науки и до этого была отягощена множеством проблем: глубокая нехватка финансирования, демографический рост, непривлекательность — и это далеко не весь список. С пандемией проблемы только усугубились. Студенты в отчаянии, сотрудники изнурены работой — ситуация во французских университетах драматичная. Можно даже сказать, что именно благодаря COVID-19 возобновилась общественная дискуссия о том, что вузы вообще должны и кому. Еще пандемия показала, как французское высшее образование и наука стремительно ослабевают.

На протяжении последних лет Франция постепенно уходила в тень и в плане привлечения и удержания на своей территории международных студентов, и в плане подготовки международных научных статей.

Как Франция борется за место под солнцем

На протяжении последних лет Франция постепенно уходила в тень и в плане привлечения и удержания на своей территории международных студентов, и в плане подготовки международных научных статей. Еще в 2000 году она занимала пятое место в мире по количеству научных и технических публикаций, но к 2016 году опустилась на восьмое место. В Шанхайском рейтинге 2020 года упоминается 30 французских вузов, но Франция оказалась по этому показателю лишь на десятом месте, далеко позади США (с их 206 вузами, вошедшими в рейтинг), Китая (144 вуза), Великобритании (65 вузов) и Германии (49 вузов).

Подобные умеренные результаты показывают, что Франции трудно соревноваться с другими странами и что ей нужно еще многое сделать, чтобы повысить свою привлекательность для зарубежных студентов и преподавателей. Лучшие французские исследователи (а часто и лучшие студенты) уезжают за рубеж из-за более привлекательных условий труда, не говоря уже о более высокой зарплате. Утечка мозгов отчасти связана с хроническим недофинансированием — бичом французского высшего образования и науки. Экономическая модель, лежащая в основе французской системы, достигла предела прочности.

Срочно нужна новая экономическая модель

Франции нужно увеличить бюджет на высшее образование и науку. А если быть точнее, то ей следует увеличить расходы на высшее образование до 2% ВВП (с нынешних полутора), а на науку — до 3% (с нынешних двух с небольшим). Если говорить конкретнее, то речь про повышение бюджета на 10 и 20 миллиардов евро соответственно. В целом французские показатели ниже средних по странам ОЭСР. Для сравнения: Германия тратит на науку 3,1% своего ВВП, Япония — 3,2%.

Однако подобные расходы не под силу одному лишь правительству, чьи финансовые возможности и так пострадали вследствие кризиса, вызванного COVID-19. Нужно также стимулировать финансирование науки из частных источников, например путем умеренного повышения стоимости обучения в бакалавриате и магистратуре (но не в аспирантуре). Сейчас годовая стоимость обучения во Франции составляет 170 евро в бакалавриате и 243 евро в магистратуре. Для сравнения: в Испании год обучения в вузе стоит около 1500 евро, в Италии — около 1600 евро, в Нидерландах — чуть выше 2000 евро, не говоря уже о Канаде или США, где образование обходится в среднем в 4600 и 7400 евро в год соответственно. Повышение стоимости обучения во французских университетах хотя бы до 1000 евро в год помогло бы принципиально изменить экономическую модель, лежащую в основе французской системы высшего образования и науки.

Новая система для студентов

Подобное — пусть и умеренное — повышение стоимости обучения, несомненно, не понравится студенческим профсоюзам, которые защищают интересы учащихся, а их в 2019/20 учебном году во Франции насчитывалось 2,7 миллиона. Каждый пятый французский студент отсеивается, так и не получив диплома, и это около 75 тысяч человек в год. Лишь 30 процентам удается получить диплом бакалавра в положенный срок, то есть за 3 года, а 40 процентам — за 4 года. Эти пугающие цифры указывают на необходимость нового подхода к оплате образования, который был бы ориентирован на потребности учащихся. Ключевым элементом такого подхода могло бы стать внедрение общедоступных займов с выплатами, зависящими от будущего дохода. Причем таких займов, которые бы покрывали не только обучение, но и бытовые расходы. Подобная система направлена на демократизацию образования, потому что создает для всех студентов материальные условия, позволяющие учиться. Такая система уже работает в Австралии, Великобритании, Новой Зеландии. Однако такой подход оправдан только при соблюдении определенных условий. Для начала Франция должна увеличить финансовую поддержку тех, кому она действительно нужна. В настоящий момент различными программами соцпомощи пользуется около 200 тысяч французских студентов. Это очень мало. Под конец следует сделать важную оговорку: чтобы ситуация со студенческими долгами не вышла из-под контроля, государство должно взять на себя долгосрочные обязательства по поддержке высшего образования и науки. Французское правительство могло бы разработать многолетний стратегический план в области высшего образования по аналогии с тем, что уже принят в сфере науки.

Нужно обновить систему управления

Французская система образования уникальна в своем роде. Она характеризуется высокой степенью фраг-

ментированности и стратификации и включает в себя всякие ведомства, университеты, независимые научные институты и разные другие исследовательские организации, что представляется проблематичным с точки зрения контроля и управления.

Если сравнивать французскую модель с зарубежными, то становится ясно, насколько система управления во французских вузах не самоочевидна. Крайне необычен, например, тот факт, что членов правления (*conseil d'administration*) фактически выбирают сотрудники, преподаватели и студенты. Они же, по сути, опосредованно назначают председателя правления, что не менее странно. Хотя подобная система назначений имеет некоторые преимущества, она также может приводить к внутренним распрям и не дает пространства для принятия нестандартных решений. Следует реформировать правление в соответствии с международными стандартами (ограничить число членов, ввести условие, что большинство из них должны быть внешними людьми). В целом довольно логично, когда председателя выбирают по управленческим и лидерским навыкам, и вовсе не обязательно искать его или ее среди членов профессорско-преподавательского состава.

Французские университеты должны отчитываться, но перед кем?

Запутанность взаимосвязей между университетами и государством во Франции показывает, как сильно они от него зависят. Министерство высшего образования, науки и инноваций (*Ministère de l'Enseignement supérieur, de la Recherche et de l'Innovation*) контролирует все, начиная с процедуры найма и кончая финансированием, и даже контролирует присуждение научных степеней. Последние 15 лет озаменовались для французских университетов серией масштабных реформ, направленных на повышение институциональной автономии, во многом отсутствующей. Если дать французским образовательным учреждениям должный уровень автономии, то это поможет существенно улучшить результаты их работы.

В связи с этим Институт Монтеня опубликовал доклад со списком рекомендаций, среди которых стоит выделить вот какую: нужно снизить градус контроля над университетами и расширить их зону ответственности. Если следовать рекомендованному подходу, то организация, отвечающая за финансирование, станет распределять материальные ресурсы в зависимости от проектов и стратегией каждого конкретного вуза, а также с учетом результатов его деятельности. А опираться эта организация будет на рекомендации обновленной национальной комиссии по оцениванию науки и образования, которая будет применять методы, соответствующие международным стандартам. Разорвав прямые связи с университетами, Министерство высшего образования могло бы наконец заняться другими стратегическими направлениями работы,

а вопросы финансовой поддержки студентов или найма преподавателей (в том числе на бессрочные контракты) переложить на вузы.

Заключение

Франция больше не может себе позволить откладывать реформу высшего образования и науки. Если правительство действительно хочет добиться какой-то пользы для образования, следует наконец начать действовать. Вузам нужна новая модель управления, и именно вузы должны стать локомотивом французской системы высшего образования и науки. Ослабление государственного контроля над университетами и существенное повышение бюджетного финансирования позволит французским вузам и исследовательским институтам раскрыть свой подлинный потенциал. А внедрение системы займов с выплатами, зависящими от будущего дохода, поможет студентам обрести самостоятельность и перестать зависеть от своих родственников.

Шотландское качество: отличительные особенности высшего образования в Шотландии

Нил Кемп и Уильям Лоутон

*Нил Кемп — офицер ордена Британской империи, консультант по вопросам международного высшего образования, член Совета по образованию Содружества наций.
E-mail: neil.kemp@nkeducation.com.*

*Уильям Лоутон — лондонский консультант в сфере международного образования.
E-mail: wlawton@btinternet.com.*

В законодательном плане шотландское высшее образование полностью подчиняется парламенту Шотландии, причем исторически так сложилось, что система высшего образования там отличается от остальных частей Соединенного Королевства. Авторы этой статьи провели по заказу Британского совета исследование («Стратегический анализ специфических особенностей шотландского сектора высшего образования», опубликовано в 2021 году), где утверждается, что речь идет не просто о различиях, а о наборе выгодно отличающих Шотландию особенностей. И дело не только

в высоком качестве образования, но в первую очередь в уникальных особенностях, которые выделяют шотландский сектор высшего образования на фоне остальных. В этой статье мы поговорим подробнее об этих особенностях, а также о ряде появляющихся проблем.

Образование как общественное благо

Польза для общества — общественное благо — в шотландской политике традиционно значит больше, чем личное обогащение. Это фундаментальный элемент шотландского высшего образования. Шотландские законодатели традиционно склонны принимать законы ради коллективной пользы, что много раз проявлялось и в сфере высшего образования: например, в отказе вводить плату за обучение для шотландских студентов (до Брексита эта норма распространялась на всех граждан ЕС); в системном подходе к повышению доступности образования для представителей недостаточно представленных сообществ; в облегчении перехода из колледжей в университеты; в целевых программах повышения доступности университетов; в работе по просвещению населения; в признании предыдущих квалификаций, в том числе полученных в ходе практической работы. Каждый шотландский университет ежегодно отчитывается перед правительством согласно «Соглашению о результатах», в котором прописаны в том числе целевые цифры повышения доступности образования.

Польза для общества — общественное благо — в шотландской политике традиционно значит больше, чем личное обогащение. Это фундаментальный элемент шотландского высшего образования.

Скромные масштабы шотландского сектора высшего образования позволяют представителям всех 19 университетов регулярно встречаться, что они и делают. Это укрепляет коллективный дух и единство целей.

Еще один удивительный аспект шотландского высшего образования — его взаимоотношения с шотландским правительством. В обществе сложился примечательный — особенно для британского контекста — консенсус в отношении того, что сферы ответственности высшего образования и правительства в значительной степени пересекаются и что университеты могут и должны стремиться к реализации поставленных

властями приоритетных задач. Это вполне нормально и в других частях света, однако в большинстве случаев университеты по сути являются государственными органами, то есть не обладают автономией от правительства. В Шотландии же интересы двух этих сторон пересекаются (более или менее) добровольно.

Улучшение жизни студентов

Шотландский сектор высшего образования практикует системный подход к улучшению результатов учебной деятельности, благополучия студентов и студенческого опыта в целом. Польза для студентов — вот краеугольный камень системы обеспечения качества и соответствующих процессов на всех этапах обучения в университете. Центральный элемент этой системы — «Направления модернизации», которые определяются сразу для всего сектора шотландским отделением Британского агентства по контролю качества при участии университетов, включая сотрудников и студентов. На основе этого документа рождаются, например, инициативы по поддержке студентов, занимающихся наукой, по повышению качества образования для студентов, обучающихся дистанционно, и по повышению шансов выпускников на трудоустройство.

Повышение шансов выпускников на трудоустройство — цель, которая уже заложена в образовательные программы шотландских университетов. Благодаря сотрудничеству высшего образования и бизнеса 95% выпускников шотландских вузов устраиваются на работу или на стажировку в течение полугода после выпуска. У студентов есть возможность пройти производственную практику, поучаствовать в реальных проектах и воспользоваться помощью университета в создании собственных стартапов. Последний фактор способствовал успеху шотландского бизнеса, например развитию новых компаний в сфере цифровых технологий в технологическом хабе Данди — Эдинбург — Глазго. Многие международные студенты интегрировались в местное сообщество и остались, чтобы открыть собственный бизнес.

Позитивное взаимовлияние международных и местных факторов

Шотландские университеты давно и активно вовлечены в международное сотрудничество: четыре из них существуют уже более 400 лет. Последнее десятилетие ознаменовалось стремительным ускорением интернационализации во всех шотландских университетах. Шотландия уступает лишь Австралии по количеству иностранных студентов на душу населения. Четыре из шотландских университетов входят в топ-200 международных рейтингов, семь — в топ-400; по этому показателю в расчете на душу населения опережает Шотландию только Швейцария. Иностранцы составляют около 36% всех преподавателей и исследователей, работающих в шотландских университетах, причем этот показатель существенно вырос за последние пять лет.

Успехи Шотландии в области интернационализации обусловлены тем, что университеты и правительство смогли объединить усилия. Шотландское общество привержено идеалам общественного блага, причем международный аспект подкрепляется тем, что шотландское правительство неуклонно следует Целям в области устойчивого развития ООН, которые учитываются в том числе в ходе принятия решений в сфере высшего образования. Деятельность на национальном и международном уровне динамически взаимосвязана. Выделяемый властями бюджет на науку и преподавание позволяет поддерживать инфраструктуру, обеспечивающую шотландским университетам международную конкурентоспособность. А международная деятельность служит на благо шотландского общества в целом благодаря научным инновациям, повышению качества образовательных программ, укреплению связей с бизнесом, взаимному обогащению культур, росту занятости и повышению доходов. Шотландские университеты пользуются репутацией Великобритании, которая во всем мире считается первоклассным в плане качества образования направлением для международных студентов, но при этом обеспечивают образование с шотландским оттенком.

Наука мирового класса, служащая на благо местного сообщества

В плане научной продуктивности Шотландия напрямую зависит от своих университетов. Отличительная особенность шотландской науки — сочетание первоклассного качества и единой, согласованной на национальном уровне стратегии по развитию исследовательского сектора. Его успешность подтверждается впечатляющими мировыми показателями Шотландии, включая количество публикаций в расчете на одного исследователя, долю публикаций, подготовленных в условиях международного сотрудничества (она превышает 50%), и количество цитирований в расчете на одного исследователя. По этим показателям (в пересчете на душу населения) Шотландия уверенно обгоняет не только остальные части Соединенного Королевства, но и большинство других стран. Благодаря открытости шотландской науки внешнему миру шотландские ученые входят в число мировых лидеров по целому ряду дисциплин, включая ветеринарию и медицинские науки, геологию, океанологию и науки об окружающей среде, экономику, археологию, философию. Шотландские университеты особенно успешны в конкурсах на получение британского научного финансирования, а также в программе Европейского союза «Горизонт-2020».

Недавние инвестиции в развиваемые под руководством представителей бизнеса междисциплинарные инновационные центры показывают, как шотландская политическая культура влияет на процесс принятия решений. Данные центры занимаются широким спектром тем — от изменения климата до рыбоводства, а финансирование завязано на решение важных

для всего мира задач, укрепление показателей национальной экономики и поддержку местного сообщества. Развитие подобных центров — это пример трудоемкой работы по нахождению баланса между общественными и частными интересами. Кроме того, они отражают попытки придать равный вес интересам регионального развития, общественного блага и коммерческого роста.

Новые трудности

В сфере финансирования университетов сложилась очень непростая ситуация. Бюджет, выделяемый властями Шотландии, сокращался в реальном выражении на протяжении последних пяти лет, и теперь шотландские вузы получают в расчете на одного студента меньше государственных средств, чем в других частях Соединенного Королевства. Это привело к увеличению набора платных (в основном иностранных) студентов ради сокращения дефицита. А значит, на фоне Брекзита и пандемии COVID-19 положение шотландских вузов стало еще более уязвимым.

Хотя шотландцы по-прежнему в целом за ЕС, шотландские университеты, безусловно, испытают на себе все те же последствия Брекзита, что и остальные британские вузы. Это включает в себя снижение притока студентов из ЕС, сужение возможностей для участия в программах обмена (из-за выхода Великобритании из программы «Эразмус»), уменьшение числа преподавателей и ученых из стран ЕС и повышение нестабильности в плане научного финансирования.

Влияние пандемии на высшее образование еще только предстоит оценить, но за последний год мы уже наблюдали резкое снижение международной студенческой мобильности. Новых иностранных студентов стало меньше, из-за чего университеты, конечно, потеряли в доходах. Пандемия также ослабила мобильность ученых и преподавателей. Из положительного стоит отметить, что она высвободила массу энергии: университетам пришлось проявить смекалку и находчивость, чтобы организовать преподавание и экзамены и поддерживать студентов в условиях пандемии. К тому же шотландское правительство выделило дополнительное научное финансирование, и именно университеты сыграли ключевую роль в разработке вакцины и системы выявления COVID-19, а также в просвещении широкой публики.

«Гений-одиночка» или «роевой интеллект»? Мифы о финансировании научных институтов в Германии

Джастин Пауэлл и Дэвид Бейкер

*Джастин Пауэлл — профессор социологии образования Люксембургского университета.
E-mail: justin.powell@uni.lu.*

*Дэвид Бейкер — профессор социологии, образования и демографии Университета штата Пенсильвания (США), приглашенный преподаватель Люксембургского университета.
E-mail: dpb4@psu.edu.*

Ученые из Германии публикуют больше статей в ведущих научных журналах, чем представители какой бы то ни было другой страны, за исключением США и Китая. Однако, в отличие от США и многих других стран, немецкое научное сообщество раздвоено: одна его половина относится к университетам, у которых примерно одинаковая репутация и которые страдают от хронического недофинансирования, а вторая — к независимым исследовательским институтам, которые гораздо лучше финансируются и которыми руководят избранные «гении». В условиях данной двухкомпонентной модели предполагается, что университеты должны заниматься подготовкой новых поколений ученых, в то время как передовые научные исследования — прерогатива престижных (и гораздо лучше обеспеченных ресурсами) независимых научных институтов, счет которым идет на сотни.

Исследовательские институты Германии объединены под эгидой крупных зонтичных организаций, к которым относится Общество научных исследований имени Макса Планка (основано в 1948 году), Общество содействия прикладным исследованиям имени Фраунгофера (основано в 1949 году), Ассоциация исследовательских институтов имени Лейбница (основана в 1990 году) и Объединение немецких научно-исследовательских центров имени Гельмгольца (основано в 2001 году). В каждом из них работают десятки тысяч ученых, которым (практически) не приходится заниматься преподаванием. В 2017 году Германия потратила 3% своего внушительного ВВП на НИОКР, войдя в число стран ЕС, больше других тратящих на эту сферу, и тем самым помогла Евросоюзу достичь целевых показателей финансирования науки. Однако немецким университетам досталось лишь 17% выделенных средств, а исследовательским институтам, которые к тому же обычно поддерживаются как федеральными,

так и региональными властями (то есть на уровне федеральных земель), досталось гораздо больше. Иначе говоря, немецкая двухкомпонентная система представляет собой интересный кейс для понимания относительной значимости университетов в производстве научных знаний, о чем вы сможете прочитать в нашей книге *Global Mega-Science: Universities Scientize the World*, которая готовится к печати в издательстве Стэнфордского университета.

Мифы о немецкой науке

Несмотря на довольно скромное среднестатистическое финансирование и неидеальную исследовательскую инфраструктуру, не говоря уже о выросшей из-за массовизации высшего образования преподавательской нагрузке, блестящие научные показатели университетов опровергают миф о том, что практически все действительно важные научные исследования в Германии — заслуга научных институтов. На самом-то деле большинство новейших научных и технологических исследований в Германии производится именно в университетах. Мы проанализировали данные по более чем 176 тысячам статей, имеющих как минимум одного немецкого (co)автора и вышедших начиная с 1950 года в журналах, посвященных естественным, техническим, инженерным, математическим и другим смежным наукам, и обнаружили, что на каждую статью, написанную в научных институтах, приходится три университетские.

Кроме того, миф об исследовательских институтах зиждется на убеждении, что если освободить ученых от преподавательской и административной нагрузки, то они непременно станут работать продуктивнее. Однако выигрыш от этого на самом деле небольшой. Хотя ученые из исследовательских институтов действительно продуктивнее своих коллег из университетского сектора, их преимущество оценивается в среднем всего в одну четверть статьи в год на одного исследователя. Чтобы научные институты достигли высочайших совокупных показателей научной продуктивности, характерных для университетского сектора, их и без того обильное финансирование следовало бы увеличить на две трети, что просто нереалистично.

Еще один распространенный миф — что сотрудники научных институтов используют свои первоклассные ресурсы для наращивания сотрудничества со своими более занятыми коллегами из университетов. Но несмотря на целый ряд направленных на это инициатив, процесс этот идет медленно: доля статей, написанных в соавторстве представителями научных институтов и университетов, выросла с 3% в 2000 году до всего лишь 12% в 2010 году.

Дальнейшие планы по выстраиванию мостов между этими двумя секторами, такие как создание совместных программ магистратуры и аспирантуры, пока реализованы лишь частично. Несмотря на то что мы живем в эпоху сотрудничества, взаимодействию между учеными из организаций двух разных типов препятствует разграничение между ними и огромная разница в престиже.

Миф об исследовательских институтах зиждется на убеждении, что если освободить ученых от преподавательской и административной нагрузки, то они непременно станут работать продуктивнее.

Пожалуй, чаще всего люди тешат себя мыслью о незаурядном качестве исследований, проводимых научными институтами. В то время как работающие в них ученые, зачастую полностью посвящающие себя определенным узкоспециализированным направлениям, действительно чаще публикуют статьи с высоким импакт-фактором, университетские исследователи в два раза чаще становятся авторами статей в ведущих журналах, причем часто в сотрудничестве с коллегами из исследовательских организаций других типов. И хотя исследовательские институты расширяют горизонты научного познания, играя роль своего рода катализатора для всей научной системы в целом, и тоже сотрудничают с ведущими учеными со всего мира, университеты готовят публикации по более широкому спектру научных тем и более тесно вовлечены в различные формы сотрудничества благодаря своей включенности в разнообразные образовательные и научные сети. Также стоит отметить, что крупные научные премии, в том числе Нобелевскую, получают представители обоих секторов.

В известной мере во всем этом нет ничего удивительного. В конце концов, в исследовательских институтах гораздо меньше сотрудников, чем ученых в вузах, если говорить точнее — примерно в шесть раз. Но достижения университетов особенно впечатляют, если учитывать, что уровень их финансирования не успевает за ростом числа студентов и что по качеству специализированной исследовательской инфраструктуры они явно уступают научным институтам. Возможно, модель, построенная по принципу «гения-одиночки» и получающая огромное финансирование, больше не оправдывает себя в условиях глобальной меганауки, предполагающей поддержку максимально широкого сообщества взаимодействующих между собой ученых. Если бы стратегический курс Германии сдвинулся в этом направлении, то университеты страны смогли бы добиться гораздо большего.

Однако пока политика в сфере науки по-прежнему направлена на повышение бюджета исследовательских институтов, в то время как исследователи

из университетов вынуждены бороться за научные гранты, распределяемые на конкурсной основе. А поскольку образование в Германии практически полностью бесплатное, то немецкие университеты, в отличие от американских, не могут поддерживать научную деятельность за счет средств, взимаемых со студентов. Начиная с 1960-х годов, и в особенности в последнее десятилетие, немецкие вузы находятся в ситуации хронического недофинансирования и постоянного увеличения числа студентов. Из-за этого они вынуждены тратить большую часть имеющихся средств на преподавание, а не на науку, а педагогические работники несут тяжелую учебную нагрузку. И так скудное научное финансирование используется для решения таких задач, как поддержание университетской исследовательской инфраструктуры и поддержка молодых ученых. Прошло, например, несколько раундов национальной программы повышения качества университетов, и во всех из них делался акцент на конкурентоспособности, однако университеты-победители получали довольно скромные финансовые стимулы и лишь на короткий срок. А бюджет научных институтов, наоборот, стабильно растет. Более того, они теперь имеют право участвовать в конкурсах на распределение дополнительного научного финансирования. И пусть институты действительно предоставляют молодым ученым идеальные условия для научной работы, ответственность за их образование и подготовку по-прежнему лежит на университетах.

Гумбольдтовская модель университета: за границей успешнее

Многие другие страны переняли сложившуюся в Германии гумбольдтовскую модель исследовательского университета, в котором научное направление деятельности совмещено с преподаванием. США, лидер мировой науки, и набирающие силу Китай и Южная Корея сумели, равно как и ряд других стран, высокими темпами и широким фронтом нарастить свой исследовательский потенциал, сосредоточив усилия по укреплению науки на комплексном развитии своих систем высшего образования и массово превратив вузы в преуспевающих участников научных процессов, а не ограничившись лишь поддержкой небольшого числа известных университетов. Подобная системная государственная поддержка всех университетов страны в период после Второй мировой войны позволила восстановить науку в Германии. Вот в чем секрет беспрецедентного и стабильного экспоненциального увеличения числа новых открытий в «век науки».

В настоящий момент 80–90% всех научных статей, ежегодно выходящих в мире, готовят именно университетские ученые. Занятно, что, хотя именно Германия подарила миру модель исследовательского университета, бюджет немецких университетов в последние десятилетия недотягивает до стандартов мирового класса. Властям Германии следует как можно скорее исправить эту ошибку и расширить общий

бюджет вузов (не только через разнообразные конкурсные программы со скромной результативностью, но и на уровне системы в целом). Поскольку в любой стране мира основной платформой для научного обмена между учеными вне зависимости от того, в организации какого типа они работают, являются именно университеты, политика в сфере науки также должна содействовать налаживанию сотрудничества между университетами и исследовательскими институтами. Это помогло бы Германии более оптимально использовать свой огромный бюджет на НИОКР и удержать за собой преимущество в науке в эпоху постоянно усиливающейся глобальной научной конкуренции.

Обучение студентов по STEM-специальностям в разных странах

Прашант Лоялка, Оу Лидия Лю и Игорь Чириков

Прашант Лоялка — доцент Высшей школы образования и старший научный сотрудник Института международных исследований Фримена Сполви Стэнфордского университета (США). E-mail: loyalka@stanford.edu.

Оу Лидия Лю — генеральный директор по науке крупнейшей в мире организации в сфере образовательного тестирования ETS (США). E-mail: LLiu@ets.org.

Игорь Чириков — директор международного консорциума «Студенческий опыт в исследовательском университете» (The SERU International Consortium) и старший научный сотрудник Центра исследований высшего образования Калифорнийского университета в Беркли (США). E-mail: chirikov@berkeley.edu.

Эта публикация представляет собой отредактированный вариант статьи авторства Прашанта Лоялки и др., вышедшей в Nature Human Behaviour.

Одна из основных задач бакалаврского образования в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук (STEM) — помочь студентам выработать сильные академические навыки и навыки мышления высшего порядка. Они помогают в усилении продуктивности производств с высокой добавленной

стоимостью и развитию инноваций. Хотя на помощь студентам, получающим инженерные специальности и специальности в области информатики, в наработке вышеописанных навыков ежегодно по всему миру тратятся десятки миллиардов долларов, мы по-прежнему мало знаем о том, в какой мере студенты ими в итоге овладевают в ходе обучения в бакалавриате.

Чтобы разобраться с этим вопросом, мы собрали международные стандартизированные результаты тестирования уровня критического мышления и академических навыков (в области математики и физики), в котором приняло участие свыше 30 тысяч студентов бакалаврских программ в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук из Индии, Китая и России. Примерно половина всех выпускников вузов в мире, специализирующихся по этим направлениям, приходится именно на эти три страны. Мы добавили в этот массив данных информацию об уровне критического мышления американских студентов, изучающих те же дисциплины. Мы обнаружили большие различия между странами, а также между элитными и прочими вузами в уровне владения студентами этими навыками и в его динамике.

...мы собрали международные стандартизированные результаты тестирования уровня критического мышления и академических навыков (в области математики и физики), в котором приняло участие свыше 30 тысяч студентов бакалаврских программ в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук из Индии, Китая и России.

В разных странах разная динамика

На начальном этапе обучения уровень критического мышления у китайских и американских студентов примерно одинаковый, при этом он заметно выше, чем у их сверстников из Индии и России. Китайские первокурсники опережают российских и индийских по владению математикой и физикой. Уровень критического мышления и владения математикой

(но не физикой) у российских первокурсников существенно выше, чем у индийских.

Насколько студентам из четырех рассматриваемых стран удастся улучшить свои навыки в ходе обучения? У американских студентов за время обучения в колледже с критическим мышлением становится лучше, а у студентов из Индии, Китая и России этот навык на протяжении обучения не укрепляется (а иногда и вовсе ухудшается). Преимущество Китая в сфере математических и физических навыков становится заметно скромнее уже к третьему году бакалавриата за счет уверенного прогресса студентов из других стран. У китайских студентов прогресса в этой сфере в период между началом обучения и концом второго курса практически не наблюдается, а иногда даже наблюдается регресс. Студенты из Индии и России, наоборот, успевают многому научиться за первые два года бакалавриата.

Студенты элитных университетов лучше учатся?

На протяжении последних двух десятилетий власти Индии, Китая и России активно стремились сделать из своих элитных вузов университеты мирового класса, что только углубило деление на элитные вузы и все остальные. Элитные вузы очень престижны и получают огромное финансирование. Считается, что в целом они дают более качественное образование, чем остальные вузы, где обучается подавляющее большинство студентов в мире.

Мы выявили большие различия в динамике владения критическим мышлением и академическими навыками между студентами элитных и прочих вузов, причем как на уровне отдельных стран, так и в международном сравнительном разрезе. К примеру, студенты китайских элитных вузов лучше владеют критическим мышлением, математикой и физикой, чем студенты элитных университетов Индии и России. Примечательно, что у первокурсников обычных китайских вузов с критическим мышлением гораздо лучше, чем у первокурсников индийских элитных вузов (хотя к четвертому курсу бакалавриата разрыв устраняется), и немного лучше с математикой и физикой, чем у первокурсников российских элитных вузов (в математике, но не в физике этот разрыв исчезает уже ко второму курсу). В целом элитные университеты этих трех стран притягивают более подготовленных абитуриентов, но при этом они, в отличие от простых университетов, не слишком помогают студентам повысить свой уровень владения рассматриваемыми навыками.

Сокращение гендерного разрыва в выработке навыков

Наблюдаются небольшие различия по половому признаку в уровне владения навыками и его динамике. Уровень критического мышления у первокурсниц в Индии, Китае и России такой же, как у юношей. По знанию математики и физики китайские и индийские

первокурсницы лишь немного уступают своим сокурсникам мужского пола. Среди российских студентов такой разницы нет.

В ходе первых двух лет бакалавриата студентки и студенты всех трех стран улучшают свои навыки критического мышления в одинаковом темпе. К концу обучения индийские и российские студентки оказываются на одном уровне с юношами, а вот китайские студентки уступают своим сокурсникам. Прогресс индийских, китайских и российских студенток в математике больше, чем у студентов мужского пола. К концу второго курса бакалавриата гендерный разрыв в Индии и Китае сходится к нулю, а российские студентки даже начинают опережать своих сокурсников.

Похоже, университетам удастся сократить гендерный разрыв в сфере математики (в Индии, Китае и России) и критического мышления (в Индии и России), что наверняка поспособствует повышению доли женщин в профессиональных областях, связанных с естественными, техническими, инженерными и математическими науками. Однако стартовый гендерный разрыв в математике и физике между первокурсниками указывает на необходимость инвестирования в обучение математике и естественным наукам на уровне средней школы либо на то, что образовательные программы в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук в вузах этих стран могли бы привлекать еще больше талантливых абитуриентов.

Нужно повысить качество обучения

Обобщая вышесказанное, отметим, что проведенное исследование помогает получить лучшее представление о международной конкурентоспособности студентов, обучающихся естественным, техническим, инженерным и математическим наукам, из разных стран и из вузов разных типов. Наличие заметных различий в динамике овладения студентами различными навыками в зависимости от страны и типа вуза только подчеркивает необходимость дальнейших исследований на тему развития навыков в ходе обучения в вузе. Тот факт, что между студентами разных стран и вузов разных типов наблюдаются заметные различия в развитии их навыков, показывает, что вузы, как элитные, так и обычные, зачастую не готовят студентов к техническому прогрессу, который невозможен без определенных навыков. Задумываясь о повышении качества образования в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук, вузам и правящим кругам не следует сосредоточиваться только на увеличении числа студентов, а стоит заняться улучшением результатов учебной деятельности.

Оценивая студенческий опыт

Камилла Кандико Хоусон

Камилла Кандико Хоусон — доцент наук об образовании Имперского колледжа Лондона (Великобритания).

E-mail: c.howson@imperial.ac.uk.

Опросы студентов — одно из проявлений движения за эмпирически обоснованное развитие высшего образования. Идея собирать от студентов обратную связь об их образовательном опыте порождена распространенным в западных демократиях стремлением к оптимизации, а один из ключевых элементов контроля качества — это оценивание в конце каждого модуля. Таким образом обеспечивается постоянный диалог между студентами и преподавателями, при этом связанные с ним улучшения могут ощутить уже только следующие поколения студентов. Вскоре эта практика станет неотъемлемым элементом внутренних и внешних механизмов контроля качества.

Оценивание преподавателей студентами: исходная точка

В 1990-х годах исследователи начали разрабатывать методы оценки качества преподавания. Это делалось для восстановления баланса, потому что приоритетное внимание при распределении государственных средств на высшее образование и при составлении международных рейтингов всегда уделялось показателям, связанным с научной деятельностью. Во многих странах, в частности в Великобритании и Австралии, где теперь проводятся стандартизированные национальные опросы, эти опросы также стали для властей одним из инструментов обеспечения прозрачности высшего образования и проведения сравнительного анализа в этом секторе.

Впоследствии студенческие опросы также стали одним из ключевых источников данных на рынке борьбы за абитуриентов. Результаты опросов стимулируют конкуренцию между вузами. Такие сайты, как ratemyprofessors.com, не подчиняются вузам, но иногда косвенно влияют на то, кого из преподавателей отстранят от работы, а кого, наоборот, повысят.

Откуда пошли все эти опросы?

Одним из первых подобных крупномасштабных исследований был разработанный Полом Рамсденом в Австралии в 1980-х годов опросник для оценки опыта обучения (SEQ). Он был нацелен на оценку удовлетворенности потребителей (студентов) и включал в себя вопросы, посвященные качеству преподавания, целям и стандартам, учебной нагрузке, системе контроля знаний и независимости.

Впоследствии студенческие опросы также стали одним из ключевых источников данных на рынке борьбы за абитуриентов.

В качестве реакции на репутационные рейтинги и рейтинги, составленные по итогам научной деятельности, а также в связи с развернувшейся дискуссией о качестве образования американские исследователи в 90-х годах стали разрабатывать опросники по оценке работы со студентами. Они изучали, чем студенты занимаются на протяжении всего периода обучения в вузе и как вузы создают среду, помогающую студентам успешно учиться. Было разработано Национальное исследование по работе со студентами (NSSE), которое, как предполагалось, должно было обеспечить вузы актуальными и полезными данными — в частности, об учебных стимулах, о сотрудничестве между студентами, о взаимодействии между студентами и сотрудниками и об атмосфере в вузе.

Десятью годами позже, в 2005 году, Великобритания, предпочтя более консьюмеристский подход, запустила свое Национальное обследование студентов (NSS), задача которого — помочь абитуриентам сделать выбор. Вскоре этот опрос стал инструментом общественного контроля над высшим образованием, а также проводником модернизации вузов. Как ни странно, поначалу многие студенческие ассоциации бойкотировали подобные опросы.

И куда они делись?

Как и следовало ожидать, каждое крупномасштабное исследование студентов помогало в разработке следующих: так, автор SEQ отталкивался от одного британского исследования, а австралийское исследование повлияло, в свою очередь, на NSSE. Стандартизированные национальные опросы, проводимые в Австралии, Великобритании и США, отличают эти страны от большинства других, где распространены адресные институциональные опросы. Исследования, посвященные работе со студентами и заостряющие внимание на институциональном развитии, студенческой самоорганизации и подготовке такого нужного обществу человеческого капитала и ответственных граждан, тоже распространились по всему миру: они проводятся в Австралии, Ирландии, Канаде, Китае, Новой Зеландии и ЮАР, аналогичные инициативы существуют также в Мексике, Южной Корее и Японии. Одна из причин такой живучести подобных исследований заключается в том, что их редко учитывают при составлении рейтингов.

Глобализация способствовала распространению студенческих опросов. После отказа от SEQ Австралия какое-то время проводила опросы по изучению работы со студентами, но затем в 2015 году ввела используемый и поныне Опросник студенческого опыта (SES), который более рыночно ориентирован, чем SEQ. Великобритания регулярно пересматривает NSS (первые три раза руководил этим процессом Пол Рамсден). В настоящий момент методология этого исследования снова пересматривается, так как его критикуют за чрезмерную бюрократизированность и за то, что получаемые результаты не соотносятся с заданными правительством приоритетами в том, что касается соотношения «цена — качество» и трудоустройства выпускников.

Поскольку разработка продуманного исследования стоит очень дорого, а системы и приоритеты разных стран в области высшего образования сильно отличаются, сравнительных исследований на эту тему пока практически нет. Больше усилий уделяется сравнениям на уровне конкретной страны, например между вузами, предметными областями или категориями студентов. Опросы студентов уже признаются во всем мире в качестве неотъемлемого элемента системы контроля качества, аккредитации и регулирования. В некоторых странах они также отлично вписываются в дискуссию о соотношении «цена — качество» и в систему отслеживания эффективности высшего образования. Интересно, что в Великобритании вес результатов студенческих опросов в национальной Рамочной программе по улучшению качества преподавания (TEF) был снижен. Теперь большее значение придается результатам трудоустройства выпускников.

Проблемы и альтернативы

Сбор данных о студентах стал большим бизнесом. Под давлением критики, связанной с тем, что рейтинги составляются главным образом на основе репутации вузов и результатов их научной деятельности, авторы международных рейтингов действительно стали пытаться учитывать показатели, которые бы отражали качество преподавания и обучения, но столкнулись с тем, что такие показатели трудно разрабатывать и использовать в контексте международного сравнения.

Авторы из Wall Street Journal и Times Higher Education, специально для американского рынка совместно составлявшие рейтинг колледжей, столкнулись с проблемой, как заставить достаточное количество студентов заполнить их опросник, чтобы можно было сравнивать данные разных вузов. Так и исследователи из ОЭСР, проводившие Международное исследование по оценке результатов обучения в высшем образовании (АНЕЛО), не смогли достичь международного консенсуса о необходимых выходных параметрах (см. статью Лоукколы и Петербауэр в 104-м выпуске «Международного высшего образования»).

Претензий к студенческим опросам так же много, как и самих опросов: критику вызывают, например, такие пункты, как достоверность, устойчивость параметров и процент откликов. Сведение множества студенческих голосов к единому голосу обезличивает студентов и упрощает представления о том, что они думают. Кроме того, существует масса исследований, указывающих на системные ошибки в результатах опросов и студенческих рейтингов, связанные с гендерными и другими характеристиками. Наличие подобных системных сдвигов особенно затрудняет использование результатов опросов в случае принятия решений о том, кого из преподавателей отстранить от работы, а кого повысить.

Из-за того, что студенческие опросы пронизаны рядом неизбежных проблем, регулярно слышатся призывы к разработке альтернативных подходов к сбору данных о качестве высшего образования. Подразумеваются, например, локальные инициативы с использованием качественных методов исследований, где студенты могли бы привлекаться на правах партнеров, а также другие коллаборативные подходы. Если раньше студентов главным образом просили дать обратную связь своим преподавателям, то теперь их просят оценить опыт обучения в вузе в целом, в результате мы рискуем прийти к ситуации, когда эффективность преподавания и качество высшего образования в целом будут формироваться студентами.

В целом нужно провести перекрестную проверку имеющихся данных, чтобы решить такие вопросы, как взаимосвязь между рейтингами преподавателей, которые составляются на основе мнения студентов, и инфляцией оценок. Давно звучат призывы улучшить подход к сбору и анализу данных об образовательном процессе, но методы пока не стандартизированы даже на институциональном уровне, не говоря уже о международном. Резкий переход к онлайн-образованию в условиях пандемии показал, как много данных о студентах и о том, как они подходят к учебе, у нас на самом деле есть. Но существует риск, что действия студентов заглушат их голоса.

Австралийское высшее образование настигла катастрофа?

Вильям Локк

*Вильям Локк — профессор и директор Мельбурнского центра изучения высшего образования, Мельбурнский университет (Австралия).
E-mail: william.locke@unimelb.edu.au.*

Австралия известна экстремальными погодными явлениями и катастрофами: долгими периодами засухи, бушующими лесными пожарами, циклонами, наводнениями. Как и остальные страны, она по-прежнему борется с пандемией COVID-19. Но Австралии и Новой Зеландии одним из немногих удалось обезопасить свои международные границы и свести к минимуму вероятность завоза вируса из других стран. Из-за этого, однако, огромное количество международных студентов не смогло въехать в страну, чтобы начать или продолжить обучение в австралийских университетах, что привело к существенному сокращению доходов ряда вузов и грозит многим из них невиданными прежде финансовыми проблемами. Похоже, все это в совокупности с неблагоприятно настроенным федеральным правительством и очень осторожными правительствами штатов привело австралийские университеты к катастрофической ситуации и существенно нарушило их работу. У одних есть ресурсы и знания, нужные для выработки долгосрочного стратегического подхода к кризису, в то время как другие еле выживают. Как бы там ни было, ряд ведущих университетов страны понес в 2020 году огромные убытки, и одно крупное рейтинговое агентство даже понизило свою оценку этих вузов, поскольку австралийское высшее образование в большой степени зависит от международных студентов.

Зависимость от международных студентов

Будучи частью сильно коммерциализированной системы высшего образования, которая сложилась также в США и Великобритании, начиная с 2002 года университеты Австралии активно привлекали международных студентов, причем этот процесс только ускорился в последние годы, потому что в 2017 году было ограничено количество мест для австралийских студентов. Численность иностранных студентов в стране возросла со 125 тысяч в 2002 году до 440 тысяч в 2019 году, причем в 2016–2019 годах произошел 45-процентный прирост. Большинство иностранных студентов были гражданами Китая (в 2019 году 38,4% всех иностранных студентов в Австралии были китайцами)

и Индии (19%). В общей сложности на них приходилось 8% всех международных студентов в мире, поэтому Австралия занимала третье место после США и Великобритании по количеству иностранных студентов. Больше всего среди них было студентов магистратуры, которые приезжали на полноценные очные программы обучения, самые популярные из которых связаны с менеджментом и коммерцией, а также с наукой и технологиями, причем наиболее нестабильными в плане количества студентов являлись образовательные программы по информационным технологиям и смежным дисциплинам. Среди вузов с самой высокой долей международных студентов были и исследовательские университеты из «Группы восьми», включая возглавившие список Сиднейский университет (где иностранцы составляли 38,2% всех студентов) и сравнительно небольшой Национальный университет Австралии (37%).

Поскольку в феврале 2020 года Австралия запретила въезд из Китая, а в марте того же года вообще закрыла свои границы для путешественников, за исключением австралийских резидентов, то количество новых студентов-иностранцев упало на 23%, а среди граждан Индии — даже более чем на 80%. И хотя студенты старших курсов смягчили удар по вузам, когда они окончат учебу (будь то онлайн или очно), отсутствие новых иностранных студентов станет еще более заметно, особенно если ограничения на международные передвижения продолжат действовать и в 2022 году. На момент написания этой статьи за пределами Австралии застряли более 100 тысяч иностранцев со студенческой визой, которые оказались вынуждены учиться онлайн. Согласно данным австралийских дипломатов в Пекине, многие китайцы, у которых есть австралийская студенческая виза, рассматривают возможность перевода в вузы других стран, где снова можно учиться очно. Ничего хорошего не предвещает и тот факт, что кампания по вакцинации в Австралии очень медленно набирает обороты, особенно по сравнению с ее основными конкурентами в сфере высшего образования, то есть с США и Великобританией.

Масштабные последствия

В 2019 году образовательные услуги являлись третьим по величине экспортным сектором Австралии. Университеты страны заработали благодаря иностранным студентам 10 миллиардов австралийских долларов (или 27% годового дохода). По оценкам, в отсутствие адекватной стратегии по минимизации последствий к 2024 году общая сумма убытков будет колебаться между 11 и 18 миллиардами австралийских долларов. Ожидается, что количество студентов-австралийцев в ближайшие годы возрастет, но это не сможет компенсировать прогнозируемые убытки из-за снижения числа студентов-очников и из-за вызванного политикой правительства сокращения доходов, которые вузы получают благодаря местным студентам. Конкретные риски для каждого отдельно-

го университета определяются тем, в какой степени он зависит от денег иностранных студентов, а также его базовой финансовой стабильностью и принимаемыми в данный момент стратегическими решениями. Вузы теряют доход не только из-за сокращения числа учащихся, но и из-за инвестиционных убытков, вызванных влиянием пандемии на международные финансовые рынки, а также из-за вынужденных дополнительных затрат на обеспечение перехода к онлайн-обучению и на финансовую и социальную поддержку студентов.

По оценкам, в результате пандемии университетам уже пришлось уволить около 17 300 сотрудников (13% от общего числа, составляющего 130 000 человек), причем чаще всего речь шла о сотрудниках на срочном трудовом договоре и о молодых кадрах.

В 2018 году австралийские университеты потратили на науку 12 миллиардов австралийских долларов (37% всех расходов), причем около половины этой суммы поступило из дискреционного дохода самих вузов, а не из внешних источников. Источник почти 50% этих дискреционных доходов — международные студенты, а поскольку он истощился, то, по прогнозам, расходы университетов на науку сократятся в 2020–2024 годах где-то на 6–7 миллиардов австралийских долларов. Это, в свою очередь, может привести к сокращению количества аспирантов и исследователей на 5000–6000 человек, что составляет примерно 11% от нынешнего числа исследовательских кадров. То, что в 2020 году федеральное правительство решило единовременно влить в науку 1 миллиард австралийских долларов, вряд ли даст заметный эффект.

По оценкам, в результате пандемии университетам уже пришлось уволить около 17 300 сотрудников (13% от общего числа, составляющего 130 000 человек), причем чаще всего речь шла о сотрудниках на срочном трудовом договоре и о молодых кадрах. Это практически наверняка отразилось на оставшихся сотрудниках, особенно тех, кто много преподает: их рабочая нагрузка увеличилась. Доля сотрудников, чей трудовой договор предполагает совмещение научной

и преподавательской деятельности, стремительно падает, и многие де-факто лишаются или практически лишаются возможности заниматься наукой.

До пандемии вклад международного образования в австралийскую экономику ежегодно превышал 40 миллиардов австралийских долларов. 57% этой суммы, или 22,8 миллиарда, обеспечивалось за счет продажи широкого спектра товаров и услуг, например в сфере розничной торговли и аренды жилья. Уже подсчитано, что при закрытых границах к середине 2021 года держателей студенческих виз, находящихся внутри Австралии, станет вдвое меньше. Это приведет к оттоку из экономики примерно 11 миллиардов австралийских долларов, так что трудно понять позицию федерального правительства, так недоброжелательно настроенного по отношению к университетскому сектору.

Враждебный политический климат

Когда правительство только-только закрыло границы, австралийский премьер-министр Скотт Моррисон заявил, что иностранным студентам, столкнувшимся из-за пандемии с финансовыми трудностями, стоит «просто вернуться домой». Это высказывание стало первым в череде недоброжелательных, неразумных и вообще вредных шагов, предпринятых федеральными властями в отношении высшего образования на фоне пандемии. Сначала власти исключили университеты из программы поддержки занятости — программы субсидий для работодателей, что только усугубило проблему сокращения штата в вузах. Затем был принят закон, стимулирующий выбор абитуриентами образовательных программ в соответствии с приоритетами национальной экономики, что привело к снижению доходов, которые вузы получают за счет студентов-австралийцев. В-третьих, было запущено несколько инициатив, сузивших вузам поле для маневра в области международного сотрудничества: речь идет о законе 2020 года о внешних сношениях и о поправках к закону о безопасности ключевых инфраструктурных объектов, распространивших его действие в том числе на сектор высшего образования и науки. Также существует риск, что высшее образование станет заложником торговой войны между Австралией и Китаем, которая уже привела к введению новых тарифов на одни товары и к запрету экспорта других. Кто знает, может, на очереди образовательные услуги?

Военная диктатура — трагедия для мьянманского высшего образования

Мари Лалл

*Мари Лалл — профессор наук об образовании и специалист по изучению Южной Азии из Института образования Университетского колледжа Лондона, в прошлом заместитель проректора Университетского колледжа Лондона по вопросам Южной Азии (к которой относится и Мьянма).
E-mail: m.lall@ucl.ac.uk.*

В 2021 году вышла книга профессора Лалл о Мьянме и ее образовательных реформах; она доступна для скачивания по ссылке <https://www.uclpress.co.uk/collections/contact-115936/products/139468>.

Первого февраля 2021 года военные силы Мьянмы (известные как «Татмадо») совершили переворот, спланированный таким образом, чтобы избранный незадолго до этого новый парламент не успел приступить к работе. В этой статье мы кратко поговорим о том, как эти события повлияли на высшее образование и на проходившие в стране реформы.

Политические реалии Мьянмы

В 1962–2010 годах Мьянмой управляла военная хунта. Первые шаги к изменению начались в 2005 году, в 2008 году была принята новая конституция, разработанная военными, а в 2010 году прошли выборы. Первое гражданское правительство под руководством президента Тейна Сейна запустило комплексные реформы, руководствуясь тремя приоритетами: первый — примирение с Национальной лигой за демократию (НЛД), которой руководила До Аун Сан Су Чжи; второй — установление межэтнического мира среди представителей более чем 20 различных вооруженных этнических групп; третий — экономические реформы. Вскоре после этого стартовали и образовательные реформы. И хотя об установлении демократии речи не шло, в 2015 году благодаря введению новой системы выборов Национальной лиги за демократию удалось получить большинство в парламенте. Этот успех партия повторила и на выборах в ноябре 2020 года. Согласно военной конституции, три ключевых министерства и 25% мест в законодательных органах всех уровней закреплено за «Татмадо». Так что военный переворот в начале этого года застал всех врасплох, потому что бытовало мнение, что несмотря на все реформы ведущая роль в правительстве оставалась за «Татмадо».

Реформы в сфере высшего образования

Реформы начались в 2011–2012 годах с комплексного анализа образовательного сектора. Прежде крайне централизованная система высшего образования, где все — от найма преподавателей до утверждения учебных планов — решалось на уровне Министерства образования, постепенно начала становиться более открытой. Были подписаны договоры о намерениях в сфере совместных исследований и образования с иностранными университетами; подготовлены новые уставы вузов, которые должны были постепенно стать более автономными; началась работа с квалификационной системой АСЕАН, которая включала в себя в том числе запуск студенческих программ обмена и создание ассоциации ректоров. Вновь созданный Национальный институт высшего образования и развития отправил представителей высшего руководства университетов в Институт образования Университетского колледжа Лондона на обучение по широкому спектру вопросов, начиная с того, как, пользуясь научными данными, связать систему контроля знаний и разработку новых образовательных программ, и заканчивая созданием этических комиссий. Кроме того, бывшим студентам, изгнанным из вузов столичного региона после студенческих протестов 1980–1990-х годов, было разрешено вернуться.

Реакция высшего образования на военный переворот

Первые протесты против военного переворота стали проходить уже в начале февраля 2021 года. Возглавляли их первоначально врачи, средний медицинский персонал и студенты из государственных клинических больниц, к которым относятся и медицинские вузы Мьянмы. Вскоре к ним присоединились преподаватели и студенты университетов. Протестующие сплотились вокруг нескольких разных групп, но большинство представителей сектора высшего образования присоединилось к Движению гражданского неповиновения: сотрудники вузов прямо с работы уходили на демонстрации, в результате чего некоторые вузы вынужденно закрылись. Некоторые ключевые фигуры Движения гражданского неповиновения подверглись наказанию: одних понизили в должности, других перевели на работу в университеты отдаленных регионов. Министерство образования разослало циркуляр о том, что участники Движения гражданского неповиновения лишаются права на повышение в должности. От сотрудников вузов требовали признаться, участвовали ли они в протестах, и сдать коллег. Поскольку сотрудники вузов — госслужащие, то ученых и преподавателей, поддержавших протест, еще и выгнали из служебного жилья. Прибывшие в большие города дивизии «Татмадо», которые обычно дислоцируются в зонах межэтнических конфликтов, захватили здания вузов и государственных больниц, чтобы разместить там своих солдат. Правительство объявило, что обучение в магистратуре, аспирантуре и на последнем

курсе бакалавриата возобновится в мае, но, поскольку большинство сотрудников отказалось работать, а многие вузы превратились попросту в казармы, будущее образования пока неясно. Обучение на младших курсах бакалавриата приостановлено, как уже случилось в 1980–1990-х годах, когда университеты вообще были закрыты более чем на полтора десятилетия, из-за чего целое поколение лишилось возможности получить высшее образование.

Студенты оказались на передовой протеста, хотя в других частях страны к демонстрантам присоединилось и множество представителей других групп, в том числе учителя государственных школ, вышедшие на улицу прямо в своей униформе, украшенной зеленым флажком Министерства образования. Поначалу протесты проходили мирно и напоминали скорее маскарад с веселыми плакатами, часть которых содержала оскорбления в адрес «Татмадо». По мере усиления протестов обострилась и реакция полиции, которая начинала с водометов, а под конец уже стала применять светошумовые гранаты и резиновые пули. Характер протеста изменился после подключения легкой пехоты, когда солдаты стали стрелять боевыми патронами по безоружной толпе, а снайперы — прицельно по головам. На момент написания этой статьи количество убитых демонстрантов уже превышало 700, и это по самым осторожным оценкам. Солдаты также отстреливали добровольные санитарно-медицинские бригады, которые пытались помочь раненым, и многие врачи теперь вынуждены скрываться. Закрылись многие больницы и действовавшие на их базе медицинские вузы. Молодежь продолжила протестовать и блокировать дороги, строя преграды из шин, которые наступающие войска просто сжигают по мере эскалации конфликта.

Студенты оказались на передовой протеста...

Государственный административный совет и его председатель — главнокомандующий вооруженными силами Мьянмы Мин Аун Хлайн усилили репрессии против Движения гражданского неповиновения и отдельных участников демонстраций. Каждый вечер в 8 часов на национальном телевидении зачитывают списки разыскиваемых (среди них преподаватели, ученые и лидеры студенческих протестов), каждый вечер проходят задержания. На момент написания этой статьи было уже более 4000 задержаний (около 3500 человек оставалось под стражей), среди них — доктор Шон Тёрнелл, австралийский ученый и в прошлом советник Аун Сан Су Чжи по экономическим вопросам. Поступают сообщения о пытках. Иногда людям звонят и говорят забрать тело родственника,

задержанного накануне. В ряде случаев с оставшихся членов семьи даже требовали выкуп за выдачу тел убитых родственников. Лидеры студенческих протестов ушли в подполье, молодежь бежит в приграничные регионы в надежде научиться у вооруженных этнических организаций основам боевой подготовки. Но армия только подливает масла в огонь в зонах межэтнических конфликтов и даже впервые за два десятилетия провела воздушную бомбардировку в штатах Карен и Качин. Власти отключили мобильный и беспроводной интернет, чтобы затруднить общение между протестующими, и официально закрыли все негосударственные СМИ, поэтому журналисты работают с риском для жизни.

Образование во времена военных переворотов

«Татмадо» не впервые жестко подавляет протесты. Подобное уже происходило в 1962, 1988, 1990 и 2007 годах. Студенты и сектор высшего образования в целом всегда особенно страдали от происшедшего: вузы были годами закрыты, а ученые подвергались репрессиям. В глазах военных высшее образование вовсе не является необходимым элементом общественно-экономических реформ. По мнению руководства «Татмадо», основная задача образовательной системы — научить молодежь с почтением относиться к военным и уважать их роль. А те, кто пренебрежительно относится к военным, — враги нации. Хотя лидеры стран АСЕАН призвали на недавнем саммите остановить кровопролитие, никто не знает точно, когда и как закончится нынешнее противостояние. Ясно только то, что очередное восстановление высшего образования снова займет много времени.

Интернационализация японских университетов во времена пандемии COVID-19

Юкико Симми, Хироси Ота и Акинари Хосино

*Юкико Симми — старшая преподавательница Центра глобального образования Института изучения передовых практик в высшем образовании, Университет Тохоку (Япония).
E-mail: shimmi@tohoku.ac.jp.*

*Хирочи Ота — профессор и директор Программы глобального образования, Университет Хитоцубаси (Япония).
E-mail: h.ota@r.hit-u.ac.jp.*

*Акинари Хосино — доцент и консультант по вопросам образования за границей в Центре международного образования и обменов Нагойского университета (Япония).
E-mail: hoshino@iee.nagoya-u.ac.jp.*

С конца 2000-х годов японское правительство поддерживало интернационализацию университетов путем распределения специализированных грантов на конкурсной основе. Но из-за пандемии вузы-победители столкнулись с проблемами в реализации своих первоначальных планов, и многие из них стали использовать различные информационно-коммуникационные технологии для продолжения международных программ обмена в виртуальном пространстве. Как вузы отреагировали на пандемию и какими они видят перспективы международных обменов? В этой статье мы поговорим о том, какие меры принимают японские университеты — участники двух новых конкурсных грантовых программ по поддержке интернационализации, а именно Проекта междууниверситетских обменов (IUER) и проекта «Ведущие глобальные университеты» (TGUP).

Последствия правительственных инициатив

Первым из этих двух проектов стал IUER, запущенный в 2011 году. Он направлен на поддержку двусторонних студенческих обменов между Японией и определенными странами или регионами, которые ежегодно определяет Министерство образования, технологий и культуры (MEXT). Университеты-победители получают грант на пять лет. В 2016 году проект был ориентирован на сотрудничество с Восточной Азией и странами АСЕАН, в 2017-м — на Россию и Индию, в 2018-м — на США, в 2019-м — на Евросоюз, в 2020-м — на Африку.

Грантовая программа TGUP была запущена в 2014 году. Для участия в ней было отобрано 27 университетов, которые получили финансирование на 10 лет, вплоть до 2023 года. Одна из главных задач этого проекта — улучшить позиции вузов на международной арене через институциональные реформы и содействие интернационализации.

По состоянию на 2020/21 учебный год всего в этих программах приняло участие 50 университетов; 19 из них получили оба гранта, 18 — только гранты TGUP, а 13 — только IUER. Предполагается, что благодаря грантам эти университеты наработают в ходе пандемии COVID-19 полезный опыт в сфере международных виртуальных обменов. А университеты, не получившие подобных грантов, смогут в будущем перенять их опыт.

Реакция университетов на пандемию COVID-19

Согласно опросу этих 50 университетов, проведенному Министерством образования в ноябре 2020 года, более 90% из них столкнулись с трудностями в развитии интернационализации из-за спровоцированной пандемией массовой отмены академических и студенческих программ обмена. А 84% респондентов отметили, что им пришлось пересмотреть свою стратегию интернационализации в процессе подготовки к постпандемийному миру, что само по себе непростая задача.

**...более 90% из них
столкнулись
с трудностями в развитии
интернационализации
из-за спровоцированной
пандемией массовой
отмены академических
и студенческих программ
обмена.**

В свете вызванных пандемией COVID-19 беспрецедентных условий большинство университетов оказалось вынуждено воспользоваться информационно-коммуникационными технологиями для продолжения международных обменов и обучения в виртуальном формате. Одна из наиболее популярных мер заключается в том, что университеты стимулируют своих студентов участвовать в краткосрочных онлайн-программах (обычно длительностью несколько недель), предлагаемых зарубежными вузами. До пандемии участники краткосрочных (длительностью не больше месяца) зарубежных образовательных программ составляли более 60% японских студентов, ездивших учиться за границу. Аналогичная тенденция сложилась и в условиях пандемии. Большинство подобных краткосрочных онлайн-программ полностью разработано и реализуется иностранными вузами. Хотя существуют и программы, в разработке которых участвовали японские университеты, для того чтобы обеспечить учет потребностей именно японских студентов или чтобы способствовать совместному обучению студентов японских и иностранных вузов. Большинство подобных краткосрочных программ посвящено изучению английского или других иностранных языков.

Еще университеты, получившие правительственные гранты, разработали виртуальные программы

мобильности длиной в один-два семестра. Это альтернатива двусторонним программам обмена с иностранными вузами-партнерами. В рамках подобных виртуальных программ японские студенты не едут за границу, но слушают онлайн-курсы, предлагаемые вузами-партнерами. А их студенты, наоборот, проходят онлайн-курсы, предлагаемые японскими университетами. Некоторые университеты даже разработали вместе с иностранными вузами специализированные онлайн-платформы для виртуальной студенческой мобильности. Один из примеров такой платформы — Course Jukebox Цукубского университета. По состоянию на апрель 2021 года на ней было 2805 курсов, доступных студентам 8 университетов-партнеров в разных странах. Виртуальные программы мобильности создаются и международными университетскими консорциумами. В подобных консорциумах (Ассоциация университетов Азиатско-Тихоокеанского региона (ARPU) и движение «Университетская мобильность в Азии и Тихоокеанском регионе» (UMAP)) состоит довольно много вузов, выигравших правительственные гранты, и они, с одной стороны, открывают другим членам доступ к своим курсам, а с другой — поощряют собственных студентов, чтобы те слушали онлайн-курсы, предлагаемые другими вузами-членами.

Хотя использование университетами информационно-коммуникационных технологий изначально было экстренной мерой, вызванной пандемией, вузы, отобранные для участия в IUEP в 2018 году, начали внедрять «совместное международное онлайн-обучение» (COIL) вместе с американскими университетами еще задолго до пандемии. Их инициативы привлекли внимание в свете пандемии, потому что они обеспечивают инклюзивное и экологически ответственное международное образование без необходимости куда-то ехать. Ведущую роль в распространении метода COIL в вузах Японии и других стран играет Институт инновационного международного образования Университета Кансай, предлагающий соответствующие тренинги и ресурсы.

Перспективы и трудности

Согласно опросу Министерства образования, представители 90% университетов, получивших гранты, ответили, что хотели бы и в будущем развивать гибридные/смешанные формы международных программ обмена, в которых физическая мобильность сочеталась бы с онлайн-обучением. Пока виртуальные программы обмена и мобильности (за исключением COIL) считаются вынужденной мерой в условиях сложившегося кризиса и временной альтернативой международному образованию, завязанному на физическую мобильность. Люди, занимающиеся международным образованием, опасаются, что методы международного онлайн-образования уйдут в небытие, когда массовая студенческая мобильность сможет возобновиться

в прежних масштабах. Однако важно, чтобы университеты продолжили использовать новые онлайн-методы работы даже после пандемии, чтобы сделать международное образование инклюзивным и доступным широкому кругу студентов, не имеющих возможности поехать за границу. Пришло время поразмыслить над тем, что до недавнего времени международное образование во многом зиждилось на физической мобильности.

Одна из ключевых задач, стоящих перед японскими университетами, занявшимися онлайн-образованием, заключается в необходимости обеспечивать должное качество и повышать его. Для этого важно заниматься повышением компетентности и профессиональной подготовкой сотрудников в этой сфере, особенно если учитывать тот факт, что онлайн-обучение и дистанционное образование — относительно новый для Японии феномен. Еще для выявления преимуществ и недостатков подобных виртуальных программ и их улучшения нужно регулярно оценивать результаты обучения студентов, участвующих в них. Все это могло бы помочь университетам в разработке действенного и инклюзивного подхода к международному преподаванию и обучению в период после пандемии. В условиях новой реальности университеты должны заняться развитием новых форм интернационализации, потому что она, безусловно, окажет существенное влияние на репутацию и привлекательность высшего образования в целом.

.....

Индия: слишком много Индийских технологических институтов, несбыточные ожидания

Филип Дж. Альтбах и Эльдхо Мэтьюз

*Филип Дж. Альтбах — исследователь, профессор и заслуженный член Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: altbach@bc.edu.*

*Эльдхо Мэтьюз — исследователь в области высшего образования из Нью-Дели (Индия).
E-mail: eldhomathews@gmail.com.*

Индийские технологические институты (ИТИ) — это, несомненно, жемчужина индийского высшего образования. Высокое качество их образовательных про-

грамм по различным техническим и инженерным направлениям и высокий уровень подготовки выпускников известны всему миру, а в последнее десятилетие эти вузы также прославились в сфере науки и инноваций благодаря своим технопаркам. Кроме того, они относятся к той небольшой группе индийских вузов, которые занимают довольно хорошие места в международных рейтингах. Однако, по наблюдениям за последние примерно десять лет, да еще и с учетом новых планов, система Индийских технологических институтов расширилась настолько, что уже не в состоянии поддерживать прежние высокие стандарты и рискует сильно сдать в качестве. Недавнее решение Комиссии по университетским грантам (UGC) позволить некоторым ИТ, относящимся к категории «превосходных вузов», открывать зарубежные филиалы может только еще больше подорвать вузы, и без того работающие в надрывном режиме. Пора переосмыслить меняющуюся роль и позицию ИТ, чтобы обеспечить поддержание стандартов качества и способствовать удовлетворению приоритетных потребностей Индии в условиях XXI века.

Немного об Индийских технологических институтах

Первые пять ИТ были основаны в 1950-х — начале 1960-х годов. Четыре из них — при содействии иностранных государств: ИТ в Бомбее (нынешний Мумбаи) — при поддержке СССР, ИТ в Мадрасе (ныне Ченнаи) — при поддержке Западной Германии, ИТ в Канпуре — при поддержке США, а ИТ в Дели — при поддержке Соединенного Королевства. Сейчас в этой сети насчитывается 23 вуза. Между созданием пятого ИТ (в Дели) в 1961 году и шестого (в Гувахати) в 1994 году прошло 34 года. После этого появилось еще 17 ИТ, причем некоторые из них — путем модернизации уже существовавших вузов.

ИТ всегда получали щедрое финансирование от центрального правительства и раньше занимались исключительно технологиями и инженерным делом. Со временем появились и программы в сфере гуманитарных и социальных наук, которые, впрочем, долго занимали довольно скромное место — вплоть до 2020 года, когда была опубликована новая национальная образовательная стратегия, согласно которой ИТ должны обеспечивать «всестороннее и междисциплинарное образование».

ИТ — небольшие вузы. В пяти старейших вузах этой сети обучается в среднем примерно по 10 тысяч студентов. В некоторых из более новых вузов — еще меньше: там менее 400 студентов. В старейших ИТ работает примерно по 1000 преподавателей, а в самых молодых, например в Палгхате или Джамму, — по 100. Большинство ИТ испытывает острый дефицит преподавательских кадров. К примеру, ИТ в Дханбаде нужен 781 преподаватель, но на январь 2021 года была занята лишь 301 ставка.

Программы, студенты и преподаватели

ИТ не являются университетами и ни по спектру программ, ни по размеру они не сравнятся с мировыми университетами. Изначально они вообще давали только бакалаврское образование, но впоследствии постепенно начали развиваться небольшие магистерские и аспирантские программы, а со временем этот компонент достиг существенных размеров. Взять, к примеру, ИТ в Бомбее: в 2019/20 учебном году там на магистратуру и аспирантуру приходилось уже 58% всех студентов. ИТ были и остаются нарочито элитными вузами, стремящимися к высочайшим международным стандартам. На наш взгляд, это важная традиция, хотя удерживать должный уровень становится все труднее.

Нет ничего удивительного в том, что выпускники ИТ так успешны: ИТ, возможно, самые селективные вузы в мире. Каждый год около 700 000 абитуриентов сдает национальный вступительный экзамен на инженерные программы ИТ и ряда других элитных вузов, и большинство из них надеется попасть именно в ИТ на одно из 16 000 доступных там мест. По данным Министерства развития человеческих ресурсов за февраль 2020 года, уровень отсева в ИТ чрезвычайно низкий и даже упал с 2,25% в 2015/16 учебном году до 0,68% в 2019/20 году.

К тому же в ИТ традиционно работают первоклассные преподаватели. Большинство из них защитили диссертации в престижнейших западных университетах. Первоклассную профессуру в ИТ привлекает возможность работать с лучшими студентами, сотрудничать с лучшими умами Индии и вносить вклад в развитие страны. Хотя уровень зарплат в ИТ и недотягивает до международного, условия труда и жизни у сотрудников старых ИТ вполне комфортные.

Нет ничего удивительного в том, что выпускники ИТ так успешны: ИТ, возможно, самые селективные вузы в мире.

Впрочем, в последние годы ситуация начала меняться. ИТ не удается привлечь достаточно молодых преподавателей, чтобы заполнить освобождающиеся позиции сотрудников, выходящих на пенсию. Бурно развивающаяся в Индии ИТ-индустрия и смежные сектора предлагают более привлекательную заработную плату и более интересные профессиональные возможности. А многие кадры переманивают к себе университеты и предприятия других стран.

В то же время, стремясь более равномерно распределить ИТ по территории страны, правительство резко увеличило их количество. Большинство молодых ИТ расположено в небольших городах, таких как Манди (штат Химачал-Прадеш), Палгхата (штат Керала), Дхарвад (штат Карнатака) и т.п. Хотя, безусловно, важно расширять возможности для получения образования за пределами крупнейших городских агломераций, ведущие вузы редко располагаются вдалеке от больших городов.

Талантливых абитуриентов и студентов для обучения в ИТ, несомненно, хватает, но ни сейчас, ни в будущем высококвалифицированных преподавателей не хватит для того, чтобы закрыть все позиции во всех новых ИТ, особенно в расположенных в сельской местности. Там вряд ли появится инфраструктура мирового уровня. Соответственно, качество ИТ неизбежно понизится, что приведет к размыванию самого этого бренда. Это для Индии чрезвычайно нежелательно, поскольку ИТ, пожалуй, самые узнаваемые и уважаемые вузы в стране.

Также озабоченность вызывает нехватка связей между ИТ с одной стороны и потребностями местного сообщества — с другой. Большинство ИТ и других вузов, относящихся к категории «институтов национального значения», — это своего рода «академические анклав», чья деятельность практически не связана с регионами, где они расположены. Властям всего нескольких штатов удается извлекать выгоду из присутствия ИТ путем развития сетей по обмену знаниями, куда входят университеты, колледжи, школы, а также местные фирмы и предприятия. ИТ редко ведут работу с местным населением. Если бы они ее вели, это могло бы помочь предотвратить неприятные ситуации, подобные той, которая происходит в штате Гоа, где местные активисты сопротивляются созданию нового ИТ в своем регионе.

Что нужно сделать

Хотя стране, безусловно, нужны первоклассные вузы, которые готовили бы специалистов в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук, не все они обязательно должны входить в систему ИТ. С практической точки зрения Индии стоило бы сохранить 10–12 «настоящих» ИТ поблизости от крупнейших городов. Некоторые из недавно созданных ИТ можно было бы переименовать и обеспечить ресурсами, нужными для подготовки хороших выпускников и исследований. Система ИТ должна стать более компактной и финансироваться на уровне вузов мирового класса, а работать там должны сотрудники мирового уровня — возможно, из лучших иностранных университетов. Недавнее решение о смягчении правил найма в вузы с целью привлечения иностранных сотрудников — это, безусловно, шаг в правильном направлении.

Кроме того, ИТ должны уделять больше внимания интернационализации и не ограничиваться отправкой своих лучших выпускников за рубеж и привлечением на работу граждан Индии, получивших степень PhD в иностранных вузах. Открытие филиалов за рубежом — это плохая идея, а вот развитие обстоятельного сотрудничества с лучшими мировыми университетами и привлечение иностранных кадров (например, в формате приглашенных преподавателей) помогли бы добиться отличных результатов и укрепить международный бренд ИТ. Уже есть обнадеживающие примеры, такие как совместная Исследовательская академия ИТ в Бомбее и Университета Монаша (Австралия) или Исследовательская академия Квинслендского университета (Австралия) и ИТ в Дели. Конечно, обязательное условие — адекватное и стабильное финансирование со стороны правительства и со стороны филантропов из числа выпускников ИТ, добившихся потрясающих успехов как в Индии, так и за ее пределами. Если жемчужина индийского высшего образования потускнеет, это будет настоящая трагедия. А чрезмерное расширение системы ИТ неизбежно ведет именно к этому.

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально.

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

109028, г. Москва,
Покровский бульвар, д. 11

E-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

107

Лето
2021

